

Кир Булычев

Детский остров

ИнтерГпол

Кир Булычев
Детский остров

«ЭКСМО»

1994

Булычев К.

Детский остров / К. Булычев — «Эксмо», 1994 — (ИнтерГпол)

Как вы полагаете, в кого превратилась бы выросшая Алиса? Более или менее – в героиню «Галактической полиции». И – скорее более, чем менее. И вот – перед читателем приключения галактической полис-леди. Приключения озорные, опасные и искрометно-забавные. Такие, какие может создать только блистательное воображение нестареющей Кира Булычева.

© Булычев К., 1994

© Эксмо, 1994

Кир Булычев

Детский остров

Зловещий сентябрьский ветер, разбежавшись по взволнованной глади громадного озера, бросался на остров, бился о крутолобые валуны, утопленные в прибрежной гальке, карабкался на песчаный обрыв и принимался гнуть, терзать, вырывать из каменистой почвы изогнутые бурями сосны. Но сосны привыкли к подобным испытаниям и, поддаваясь насилию, склоняясь перед ним, лишь крепче смыкали ряды, и стоило ветру, утомившись, ослабить натиск, как они тут же распрямлялись и весело шумели ветвями, отгоняя уставшего воителя.

Ветер, не славив с соснами, рвался вверх, где легкие облака не могли ему сопротивляться и бежали от него, неслись, порой закрывая узкий серп луны, порой обнажая великолепие звездного неба.

В такие моменты воронам, поднятым яростным порывом ветра из безопасности гнезд, была видна тонкая фигурка в длинном белом одеянии, которая брела по тропинке, перекрытой аркой сосновых ветвей, выставив вперед хрупкие руки, чтобы защитить глаза от сучка или иного опасного предмета.

Казалось, эта фигурка невесома. Порой, когда напор ветра раздвигал очередную сосновую преграду и врвался внутрь леса, девушка была вынуждена замирать и даже отступать под ударами массы воздуха, но стоило ветру немного стихнуть, как девушка упрямо распрямлялась и возобновляла свое загадочное путешествие, ибо никто по доброй воле не покинул бы в столь поздний и неуютный час надежный уют замка, немые темные башни которого возвышались над лесом, неподвластные бешенству бурь и ливней.

Тропинка, по которой спешила девушка в белом, причудливо вилась между деревьями и скалами; порой девушке приходилось склонять голову в низком тоннеле зелени, а порой она оказывалась на открытом пространстве.

На берегу озера стояла полуразрушенная сторожка, от которой тянулся давно не используемый причал для прогулочных лодок. Причал кое-где провалился, а две или три лодки, что были забыты возле него, погрузились в воду, и лишь цепи, прикрепленные концами к настилу, удерживали на плаву их узкие носы.

Неведомая сила вывела девушку к причалу. Обернувшись, проверяя, нет ли за ней погони, она обратила свой взор к сторожке, за окном которой уловила некое смутное движение. Там мелькнул красный огонек и пропал. Девушка неуверенно ступила на причал. Доски заскрипели под ее легкими шагами, звякнула ржавая цепь, и по замершей, словно ледяной, глади воды разбежалась мелкая рябь.

Глаза, которые следили за девушкой из сторожки, были не единственными, что наблюдали за ее ночным путешествием. Еще в те мгновения, когда девушка в белом спустилась по лестнице в холл замка и, стараясь не шуметь, открыла тяжелую боковую дверь, что вела из библиотеки к оранжерее, некто, старавшийся остаться невидимым, следил за каждым ее шагом. И когда девушка в белом очутилась в ветреной лесной ночи, следом за ней замок покинул некто. В отличие от первой девушки ее преследовательница была подготовлена к ночному путешествию по лесу и закутана в серый плащ и черный платок, отчего она была почти не видна как в лесу, так и на поляне.

Проследив за движением девушки в белом к берегу, преследовательница замерла на опушке леса, но не покинула сени деревьев, понимая, что девушка в белом уже достигла своей цели.

И на самом деле та остановилась, ступив на причал, и стала оглядываться, будто неожиданно для себя проснулась в неизвестном месте.

– Вероника, – послышался низкий прерывающийся голос. – Вероника, я здесь, я жду тебя, я томлюсь в нетерпении...

– О нет! – воскликнула девушка, и в голосе ее был слышен ужас.

– Ты принадлежишь мне, – прошепел голос.

– Отпусти меня на свободу, – умоляла девушка в белом. Дверь сторожки распахнулась, за ней стоял мужчина.

– Я ждал тебя, – произнес он. – Меня комары зажали.

Он сделал шаг вперед, и стало видно, что он почти обнажен, если не считать шорт, легких туфель и черной маски, скрывавшей верхнюю часть лица.

– Ты – мой сон, – произнесла девушка в белом. – Ты мой кошмар. Я не могу от тебя избавиться.

– Я – твоё сладкое видение, – откликнулся молодой человек.

Он раскрыл руки, и девушка в белом, словно притянутая сильным магнитом, сделала два шага навстречу мужчине, пока не оказалась в досягаемости его рук.

Он привлек ее к своей груди.

– О нет! – повторила девушка в белом.

Молодой человек, прижимая девушку к себе, покрывал ее лицо и шею жаркими лобзаниями. Девушка дрожала от страсти и нетерпения, но в то же время продолжала сопротивляться.

Ее преследовательница в сером плаще стояла неподалеку на краю леса и разрывалась между желанием выбежать на открытое место и помочь девушке в белом или не вмешиваться в сцену и узнать о намерениях ее участников как можно больше. Большой жизненный опыт поведал женщине в сером плаще, что крики и жалобы, которые издает девица, оказавшись в руках молодого мужчины, не следует принимать всерьез. Порой губы девушки шепчут и восклицают одно, тогда как ее истинные чувства означают нечто противоположное.

Вот сильные обнаженные руки молодого человека гладят длинную шею девушки в белом, опускаются ниже, ласкают высокую грудь, и она негромко умоляет отпустить ее, но сама не предпринимает никаких усилий для того, чтобы вырваться.

– Иди ко мне, – уговаривает свою жертву молодой человек, стараясь увлечь ее в темноту сторожки.

– О нет! – в последнем усилии воскликнула девушка в белом и добавила от всего сердца: – Неужели не найдется ни одной живой души на свете, которая увидела бы мои терзания и пришла бы ко мне на помощь? Ведь я сама бессильна себя спасти!

Но этот возглас пропал в новом напоре дикого ветра, налетевшего с бескрайнего водного пространства. Со страшной злой силой ветер ударил в спину девушки и буквально кинул ее в объятия странного человека в маске. Тот сразу же обхватил девушку могучими руками и скрылся с ней в темноте сторожки.

Женщина в сером плаще не сразу нашла в себе силы последовать внутрь домика. Она прижала к груди руки, и ее скуластое бледное лицо, скрытое в тени серого капюшона, исказила гримаса отчаяния.

Изнутри домика доносились стоны и неясные мольбы несчастной девушки в белом. Но когда женщина в сером плаще услышала отчаянный приглушенный крик:

– Только не торопи события, мой мучитель! – она не выдержала.

Она в отчаянии окинула взглядом берег и увидела валявшийся неподалеку багор, которым некогда подтягивали к причалу прогулочные лодки. Подбрав багор, она ринулась к сторожке, держа его наперевес, и ударила им в дверь сторожки с такой силой, что дверь слетела с петель и упала внутрь помещения.

Грохот и последовавший затем грозный крик:

– Сдавайся, несчастный насильник! – произвели желаемое действие.

Молодой человек в шортах потерял присутствие духа и кинулся в сторону, противоположную той, откуда надвигалась опасность. Тонкая старая дощатая стена не выдержала удара его мощного тела и рассыпалась, отчего вся сторожка опасно накренилась.

Женщина бросила багор и наклонилась над распростертой на деревянном полу бесчувственной девицей в белом пеньюаре.

Ветер, вновь налетевший с водного простора, угрожающе пошатнул сторожку.

– Вероника! – позвала девушку женщина в сером плаще. – Очнись, простудишься! Он не успел надругаться над тобой?

Но ни единая мышца не дрогнула на лице несчастной жертвы насилия.

Еще более грозный порыв бури заставил сторожку содрогнуться.

Не оставалось ни секунды.

Скинув с себя серый плащ, женщина закутала в него Веронику и, перекинув ее через плечо, вынесла на берег.

В следующий момент, не выдержав напора стихии, сторожка сломалась подобно картонному домику. Но, почувствовав приближение катастрофы, женщина отпрыгнула в сторону, уронила на гальку несчастную Веронику и упала рядом с ней на мокрую от водяных брызг траву.

У девушки хватило сил приподняться на локте, чтобы кинуть взгляд в сторону причала, словно она опасалась, что страшный насильник находится где-то поблизости и, придя в себя, может повторить нападение.

И тут она увидела, как из-под причала вырвалась небольшая лодка, снабженная мощным мотором. Обнаженный молодой человек сидел на корме, управляя лодкой.

Сделав широкую дугу, лодка удалилась в сторону открытой воды, вздыбленной крутыми, бешено рвущимися к берегу волнами. Она опасно накренилась, и девушка даже попыталась встать, уже не опасаясь того, что насильник возвратится. Ей хотелось увидеть, куда же уносится открытая лодочка. Но на горизонте, скрытом в тумане водяных брызг и дождя, не было видно ни одного крупного судна, тогда как лишь безумец мог решиться уходить далеко в открытое бурное водное пространство.

И опасность такого рода стала действительностью: не завершив поворота, лодка зачерпнула бортом воды и опрокинулась – скорость ее была столь велика, что молодой человек в маске взлетел высоко в воздух и упал в воду, подняв фонтан брызг.

Женщина в сером стояла у воды, стараясь увидеть среди волн человеческую голову или хотя бы днище лодки... но волнующаяся поверхность воды была чиста от посторонних предметов.

– Вероника, – позвала она громко. – Вероника, очнись!

Вероника отвернулась – ее душа сопротивлялась возвращению в трезвую действительность.

– Вероника, – сказала женщина, – я из-за тебя совсем простужусь. Это бесчеловечно.

И действительно, холодный порывистый ветер заставил дрожать полную немолодую женщину, отдавшую свой плащ несчастной Веронике, которая была облачена лишь в белый шелковый пеньюар и тапочки на босу ногу.

– Что с ним? – прошептали губы Вероники. – Он не утонул?

– Открой глаза, – приказала женщина. Говорить ей было трудно, зуб на зуб не попадал. Ветер застил облаками луну, и на пляже стало темно.

– Это вы, госпожа Аалтонен? – спросила Вероника.

– Да, это я. Ты сможешь подняться?

– Я не знаю, – ответила Вероника, и вновь открывшаяся луна бросила свой холодный свет на ее прелестное лицо, по которому текли прозрачные слезы.

– Немедленно поднимись, Вероника, – приказала госпожа Аалтонен, имевшая привычку вставлять финские слова в русскую речь. – Я не хочу оставлять тебя на баскери. Я не уверена в твоих истинных намерениях. Что может заставить нормальную девицу, которой не исполнилось и семнадцати лет, красться ночью на берег на свидание с незнакомым молодым человеком?

– Только бы он не утонул! – прошептала Вероника.

– Что ты сказала? – спросила госпожа Аалтонен, не расслышав слов девушки из-за воя ветра.

– Я сказала... я сказала, что ничего не понимаю. Что ничего не помню.

Она зажмурилась и принялась тереть глаза.

– Вероника, немедленно прекрати притворяться, – рассердилась госпожа Аалтонен. – Ты хочешь сказать, что пришла сюда не по доброй воле?

– Не помню. Честное слово, я ничего не помню, госпожа директриса, – простонала Вероника. – Какая-то неведомая сила подняла меня с постели, и дальше... дальше у меня произошел провал в памяти. Здесь был кто-то еще? Кто?

– К сожалению, Вероника, я не могу тебе поверить. Твоя речь представляется мне обычной девичьей ложью. Ты отлично знала, с кем у тебя свидание ночью на берегу. И скажи спасибо, что я выследила тебя и спасла твою девичью честь.

– Что вы говорите! – воскликнула девица. – Неужели моей чести что-то угрожало? Неужели он хотел воспользоваться моим лунатизмом?

– Чем? – спросила директриса.

– Я думаю, – сказала Вероника, – что в моем случае мы имели дело с припадком лунатизма. Я только сейчас проснулась.

– Я хотела бы поверить тебе, – ответила госпожа Аалтонен, – но весь мой жизненный опыт противится этому. Ты знала, на что идешь. Но я должна тебе сказать, что во вверенном мне детском доме связи несовершеннолетних воспитанниц с мужчинами не поощряются.

– Так вы его не узнали? – спросила Вероника с надеждой в голосе.

– Я его обязательно найду. Хотя ты сама виновата: ты сама прибежала на свидание, то есть соблазнила слабого мужчину.

– Это немыслимо, госпожа директриса, – возразила Вероника. – Я не помню, чтобы мне хоть когда-нибудь в жизни приходила такая дикая мысль – в бурю, ночью отправиться на берег. Это же верное воспаление легких!

– Ты не совсем точна, – ответила директриса. – Воспаление грозит мне, а наказание тебе будет объявлено особо.

– О! – воскликнула Вероника. – Это так несправедливо!

Она попыталась упасть в обморок, но госпожа Аалтонен категорически запретила ей оставаться на берегу. Вероника вынуждена была подняться и, обливаясь слезами, последовать вверх по тропинке.

К счастью, ветер теперь помогал идти, энергично подталкивая сзади так, что порой им приходилось переходить на бег, чтобы удержать равновесие.

Наконец, когда они совсем уже выбились из сил, лес кончился и перед ними открылась широкая поляна, в дальнем конце которой возвышался замок.

* * *

Островок Кууси, мирно спящий в северной части Ладожского озера, имеет в длину около трех километров, в ширину – менее километра. Он покрыт редким сосновым лесом. Сосны поднимаются среди огромных валунов, и от частых ветров, сильных морозов и перепадов температуры они вырастают кряжистыми, корявыми, упрямыми, как старые морские волки.

На южной оконечности острова поднимается пологий холм, почти лишенный растительности. Лишь полосы травы и лишайников покрывают низинки между серыми лбами покатых скал. Вершину холма венчает массивный замок, сложенный из грубо отесанных каменных блоков. По углам его поднимаются четыре круглые башни с зубчатыми вершинами. Пятая башня, донжон, квадратная и просторная, поднимается в центре замка, и ее коническая медная крыша, позеленевшая от сурового климата, видна за много километров, словно маяк.

На вершине ее с наступлением темноты зажигают яркий белый огонь, который медленно вращается, бросая сильный узкий луч света на воды озера, окружающие остров Кууси.

В замок ведут железные ворота, которые закрываются с темнотой. Говорят, правда, что из него к берегу, к маленькой подводной пещере, ведет подземный ход. Но весьма возможно, что подземный ход – лишь выдумка романтически настроенных обитателей замка.

Кажется, что замок возвышается здесь вечно, он словно вырос из серых скал и поседел, покрылся лишайниками вместе с ними.

Но когда утренний туман уползает по поверхности холодной ладожской воды, замок, кажущийся причудливой немой скалой, оживает от звуков голосистых труб, играющих бодрую мелодию. Над одной из башен медленно поднимается голубой с белым флаг Вселенской лиги защиты детей, и вскоре вся местность вокруг оживает от веселых звонких голосов.

Широко раскрываются ворота замка, и из него на скалы выбегают легко одетые юноши и девушки. Невзирая на погоду и температуру воздуха, они резвятся на скалах, бегут вниз, окунаются в воду и даже плавают у берега, ныряя, чтобы поднять со дна понравившийся камешек или сорвать волосы водорослей для урока ботаники.

В действительности замок вовсе не стар, он построен на рубеже XX века одним петербургским чудаком, разбогатевшим на изготовлении чудесной ветчины, изменившим фамилию Галкин на фон Грааль и вообразившим себя одним из рыцарей короля Артура. Он откупил у казны остров, на котором тогда обитали две семьи финских рыбаков, давших острову финское имя Кууси, обозначающее нечто связанное с хвойным лесом, и воздвиг на нем замок Грааль. После чего началась революция 1917 года, и фон Грааль разорился. Скрываясь от большевиков, он убежал на свой заветный остров и при приближении к нему катера Ладужской флотилии под командованием матроса Медника бросился вниз с башни и разбился о камни.

В последующие сто лет замок неоднократно менял хозяев, обитателей и назначение. В истории его были страницы драматические, трагические и потешные, но в конце концов его совсем забросили, и долгие годы он стоял нем и пуст, подобно каменной скале. Лишь во второй половине XXI века он вновь ожил, так как некто в Галактическом центре решил расположить в замке детский дом.

Это был странный детский дом, единственный подобный детский дом на Земле.

Как известно, рождаемость на Земле в течение XXI века неуклонно падала, и потому на каждого ребенка, сданного в детский дом, выстраивалась очередь из родителей. Устраивали даже конкурсы родителей на любовь к детям. И не было смысла создавать детские дома.

Но один детский дом сохранился.

Этот дом состоял в ведении не ведомства Социальной защиты и даже не ведомств Здравоохранения или Просвещения, а подчинялся ИнтерГполу – то есть судьбами дома и его обитателей распоряжалось управление под именем ИнтерГалактическая полиция.

Нет, вы ошиблись! Там жили не малолетние преступники. Дело обстояло куда хуже: в доме содержались лишь те дети, подростки, юноши и девушки, судьба которых была окутана тайной. А так как на шестьсот восемь миллиардов жителей Галактической Федерации насчитывается немало тысяч различного рода тайн, то и детей, происхождение которых не разгадано, существует немало, по крайней мере, достаточно для того, чтобы организовать специальный детский дом, причем расположенный таким образом, чтобы случайный прохожий не мог туда попасть.

Все эти предосторожности диктовались здравым смыслом и несладким опытом, имевшимся в прошлом детского дома, который и в официальных документах, и в обыденной речи посвященных назывался Детским островом.

Кто эти дети, оказавшиеся без родителей и родственников? Что таинственного в их судьбе?

Можно привести несколько примеров, чтобы пояснить, что имеется в виду.

В спальне номер три, которая расположена в здании, примыкающем изнутри к восточной стене замка, между башнями Птичьей и Кривой, стоят кровати трех девушек. Всем им приблизительно по шестнадцать-семнадцать лет, все они ходят в десятый класс расположенной на Детском острове школы. Все они ничего не знают о своих родителях, и даже Центральный компьютер в Галактическом центре не может с уверенностью сказать, откуда они родом.

...Девушку по имени К° обнаружили геологи на планете Зрофилла, населенной мирными зеленоногими дикарями. Однажды утром, выйдя из своего бунгало, геолог Картье де Кутурье увидел на ступеньках завернутого в розовое одеяльце младенца, как потом оказалось, женского пола. Младенец, которому от роду было семь месяцев, был сыт, пребывал в отличном настроении, шевелил пальчиками, норовя сбросить шелковое одеяльце, и гугукал. При обследовании девочки обнаружилось, что она относится к виду гомо сапиенс, белокура, голубоглаза, на правой ножке шесть пальчиков. На одеяльце, простынке и даже пеленке, в которую была завернута девочка, были вышиты буквы К и О. Отчего впоследствии девочку и стали звать Ко.

Все попытки выяснить у мирных аборигенов планеты, не знавших еще ни одеял, ни грамотности, откуда могла взяться девочка Ко на пороге геологического бунгало, не дали результатов. Когда же девочку привезли на Паталипутру и тщательно генетически обследовали там, то выяснилось, что, вернее всего, родиной ее является планета Земля, там же изготовлены одеяло и пеленки. Известно также, что до геологов ни один земной корабль не причаливал к планете Зрофилла.

Судьба соседки и подруги К° по спальне десятиклассниц была не менее загадочна. В двухлетнем возрасте ее нашли на покинутом космическом корабле, который, вернее всего, стартовал с Плутона. Однако этот корабль не был приписан к космопорту этой малопривлекательной планеты и был неизвестен в иных космопортах. На груди малышки на золотой цепочке висел золотой медальон, внутри которого находилась старая почтовая марка с островов Зеленого Мыса.

Девочку условно называли Вероникой, потому что так звали мать капитана патрульного корабля, который наткнулся в космосе на покинутое судно.

Третью девочку в той спальне прозвали Саломеей. У руководителей ИнтерГпола были некоторые подозрения по поводу ее происхождения, но наверняка утверждать что-либо было невозможно. Девочку обнаружили в подвале Института времени в Бейруте. Судя по обрывкам ткани, в которую была завернута трехлетняя девочка, она происходила из древнего финикийского города Библа, однако уверенности в том не было. Высказывались подозрения, что девочку подкинули в машину времени в древней Финикии во время какого-то очередного социального катаклизма. Но как это могло произойти без помощи сотрудников Института времени, непонятно. Ни один сотрудник в таком поступке не признался. Да и некого было подозревать. Девочку называли Саломеей в память героини романа Флобера.

Можно еще долго продолжать рассказ об обитателях других спален и боксов замка на Детском острове, но ничего нового вы не узнаете – имеющихся примеров достаточно, чтобы понять, почему место для детского дома было выбрано в исключительно уединенном и отдаленном от человеческих маршрутов месте. И поэтому замок Грааля как нельзя лучше подходил к этой цели.

По здравом размышлении создатели этого необычного детского дома решили как можно тщательнее изолировать несчастных сирот, потому что понимали, какую страшную опасность

для Земли и всего человечества могут таить эти дети. Ведь Галактика – это не только полигон, на котором проверяются способности цивилизаций к дружбе и сотрудничеству. Та же Галактика давала, к сожалению, жизнь страшным тиранам и агрессивным замыслам, ставившим под угрозу само существование разумной жизни во Вселенной. И нет никаких гарантий, что рок в будущем не предпримет новых попыток подобного рода. Для того чтобы уменьшить опасность появления и торжества злобных сил, и существует Галактическая служба безопасности, а также соперничающий с ней ИнтерГпол. Если первая взяла на себя охрану Федерации от космических заговоров и вторжений, то ИнтерГпол занимается локальными, большей частью уголовными проблемами, разыскивая и нейтрализуя преступников и преступные замыслы. Но кто может сказать, где проходит черта между вселенским вторжением и его зародышем – одним убийством на отдаленной планете?

ИнтерГпол взял шефство над Детским островом, ибо каждый его обитатель, неся в себе загадку, смысла и значения которой не осознавал и сам, мог в любой момент превратиться в угрозу для людей.

Почему и как – это мог решить лишь ИнтерГпол, если вовремя принимал меры.

А ведь примеры тому уже были...

Поначалу еще маленький, уютный Галактический детский домик построили под Лондоном в поселке Бромли, и сиротки свободно общались со своими сверстниками из окружающих кварталов, играли с ними в крокет и гуляли под замшелыми вязами поселкового парка.

Через некоторое время на окрестных фермах начался падеж домашнего скота. Коровы и овцы были фактически обескровлены. Ветеринары ломали себе головы, что же могло произойти. Но ответа не нашли. И вот случилась настоящая трагедия: в поле, возле изгороди, возведенной еще в пятнадцатом веке, было найдено тело сержанта Бейлиза, ветерана ряда космических экспедиций, отважного воина и доброго прадедушки. Белое, словно из мрамора, тело, облаченное в бархатный ночной халат, лежало навзничь. Широко открытые водянистые глаза ветерана были устремлены к звездам. Ни единой капли крови не осталось в его кровеносной системе.

На этот раз проводившему расследование этой трагедии инспектору бромлеевской полиции У.Э.Хелмсу повезло: возле тела ветерана он обнаружил во влажной почве дренажной канавы отпечаток маленького детского следа. По слепку со следа был изготовлен башмачок, который У.Э.Хелмс в течение нескольких суток примерял всем детям в окрестностях. Под подозрение попали даже лилипуты из бродячего цирка, который приходил в те дни из Лондона в Брайтон и ночевал в окрестностях Бромли. Паника охватила жителей местечка. Матери боялись выпускать детей в школу, взрослые мужчины вооружались бластерами и лучеметами, выходя ночью на прогулку с собакой. Поиски были безрезультатны до тех пор, пока интуиция не привела инспектора к тихому детскому дому. И оказалось, что миниатюрный башмачок как раз пришелся по ноге девочке по имени Мисс, трехлетнему карапузу, которая таинственным образом была обнаружена в мешке с морковью на военном космическом тральщике «Орион», что особенно удивительно, потому что команда тральщика состояла исключительно из мужчин, ненавидевших морковь.

В детском доме девочка Мисс вела себя тихо, скромно, улыбочиво, постепенно научилась говорить по-английски, лишь ночной сон ее вызывал опасения у лечащего врача: порой целую ночь девочка могла провести сидя на кровати, обхватив колени тонкими ручонками и мерно раскачиваясь. Глазки девочки загорались зловещим оранжевым пламенем, которое, правда, гасло, стоило подойти воспитателю или врачу. Соседки по комнате боялись ее и отказывались с ней жить.

Когда оказалось, что башмачок точно подходит девочке Мисс, инспектор У.Э.Хелмс был в полной растерянности. Как могла такая малютка совершить злодейское преступление, да и ряд других, которые ей приписывали?

Пока суд да дело, крошку поместили в отдельную палату психиатрической больницы, а общество защиты детей подало в суд на инспектора У.Э.Хелмса за особую жестокость по отношению к сиротке.

На третий день сиротка исчезла из палаты. Зато сторож психиатрической больницы был обнаружен под столом в своей сторожке, совершенно обескровленный, со следами укусов на шее.

Только тогда за дело взялись всерьез. Инспектора У.Э.Хелмса заменили комиссар Милодар из ИнтерГпола и несколько экспертов по переселению тел и душ. Малютку Мисс удалось отыскать в брянских лесах, а когда ее подвергли тщательному обследованию, то оказалось, что в ее теле находится переселившийся туда опасный шпион империи Кражадале, он же жестокий вампир, просыпавшийся по ночам и питавшийся кровью своих жертв.

Разумеется, при таком кратком пересказе многие яркие детали выпадают. Можно было бы подробнее и драматичнее поведать о хроническом малокровии, которое обнаружилось у половины обитателей детского дома, и о крови, запекшейся на устах маленькой хрупкой девочки. Когда ее отыскивали, она досасывала жизненные силы заповедного зубробизона. Важно, чтобы читатель понял, насколько опасными могли быть воспитанники детского дома, если позволить им свободно общаться со сверстниками. И надеюсь, достаточно сказать, что случай с девочкой Мисс оказался не единственным в истории Особого детского дома.

Непросто было превратить гуманное учреждение, центр любви и заботы о неизвестных сиротках, в заведение высокой секретности. Порой, как говорил комиссар Милодар, ему так хотелось махнуть рукой на это предприятие и вообще закрыть детский дом для космических сирот, раздать их по желающим, и пускай малютки взрывают кого и когда хотят. А ведь это тоже были не пустые слова: среди воспитанников как-то обнаружился подросток, зараженный редчайшим вирусом пиромании, который, прежде чем его смогли спрятать в особую асбестовую больницу, умудрился сжечь половину города Цинциннати, так как этот вирус позволяет без вреда для его носителя поднимать температуру пальцев до семисот градусов. А вы представляете, что случится с вашим домом, если его погладить пальцем, раскаленным, как расплавленный свинец?

Наконец после долгих споров, в основном негласных, после возмущенных статей в газетах, которые большей частью оставались без ответа, решено было перевести Детский дом на выбранный для этой цели остров Кууси, лежащий в стороне от туристических маршрутов и населенных пунктов. Остров облегчал охрану Детского дома, замок давал возможность обороняться, если кому-то вздумается похитить или уничтожить кого-то из воспитанников, не допускать к детям людей, которые могли бы принести им вред.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре после завтрака над башнями замка сделал круг личный вертолет командующего силами ИнтерГпола в Северном полушарии комиссара Милодара. Комиссар, почитавший Детский остров своим подопечным хозяйством, примчался туда, бросив все дела, как только получил известия о ночном происшествии на причале.

Комиссар Милодар любил детей. У комиссара Милодара было сильно развито чувство долга. Комиссар Милодар считал Детский остров своим детищем, которое он обязан защищать от всех злодеев Галактики и от которого он обязан был защищать саму Галактику.

Вертолет комиссара Милодара опустился на площадке перед входом в замок. Ворота тут же гостеприимно раскрылись. В них стояла доктор наук Роза Аалтонен, полная, скуластая, добродушная дама с золотым лорнетом, который ей достался от бабушки.

– О, комиссари! – воскликнула финка, выбегая из железных ворот замка. – Какой кауху!

– Да, я с вами согласен, – устало ответил комиссар, который не спал три ночи подряд, выслеживая межпланетную банду, спекулировавшую мамонтовыми бивнями. Лишь таинствен-

ное происшествие на Детском острове смогло вырвать его из редких и долгожданных объятий Морфея.

Директриса Аалтонен смахнула набежавшую слезу.

– Вероника... очень войн пахойн, понимаешь?

– Плохо себя чувствует? Ну хорошо, я все равно должен буду поговорить с ней.

Комиссар Милодар почти не знал финского языка, директриса Аалтонен в стрессовые минуты забывала все остальные языки, кроме финского.

Милодар быстрыми шагами направился внутрь замка. Директриса гулко шагала сзади и громко переживала на смеси финского и прочих языков.

Уверенными шагами комиссар пересек двор замка и вошел в учебный корпус, который примыкал к восточной стене. По узкой лестнице (ее ступени были выточены из гранита) Милодар взбежал на второй этаж, проследовал узким коридором к кабинету директрисы и возле него замер, словно налетел на препятствие, и вытянулся как матадор, пропуская вперед величественную даму.

Затем быстро обернулся – конечно же, все двери из классов в коридор были приоткрыты и в них замерли многочисленные любопытные детские рожицы. Комиссар Милодар отдал честь сиротам, и все двери в классы тут же захлопнулись.

Директриса уже уселась за свой стол, на котором стояло лишь пресс-папье в виде бронзового медведя, придавившее стопку листков и фотографий. Она указала Милодару на удобное кресло. Затем по просьбе высокого гостя поведала ему такую странную историю.

Некоторое время назад директриса обратила внимание на то, что воспитанница Вероника ведет себя нервно, плохо спит, видит во сне кошмары. Она стала невнимательной на уроках и даже начала грубить преподавателям и своим подругам. Налицо был тяжелый клинический случай влюбленности, возможно, неудачной. Следовало проверить, в кого влюбилась Вероника. Сначала директриса спросила об этом соседок Вероники по комнате. Правда, она не ожидала, что те легко сознаются и выдадут сердечные тайны подруги товарки. Но иритис – не пытка. Так что директриса под разными предлогами вызвала к себе всех трех девушек. Первой Ко, потому что она была ближе других к Веронике. К удивлению директрисы, Ко не стала отрицать влюбленности Вероники, но уклонилась от ответа на вопрос, кто объект ее страсти. «Подумай, – говорила директриса, – это может быть опасной болезнью. Вдруг молодой человек не может ответить взаимностью? Вдруг у него уже есть семья?» После этих провокационных слов директриса замерла, ожидая, что, возражая, Ко проговорится. Но Ко совершенно спокойно ответила, что Веронике ничего подобного не угрожает. Ее возлюбленный доступен только ей одной и ни с кем ее не делит. «Как его зовут?» – спросила директриса, не надеясь на положительный ответ. Но Ко спокойно ответила, что зовут его Джон Грибкофф. Такого персонажа на острове и даже среди тех людей, которые время от времени по делам посещали остров, директриса не обнаружила и сочла ответ Ко лукавством. Несколько расстроенная таким поведением Ко, директриса вызвала к себе другую соседку Вероники – Саломею.

– Саломея, друг мой, – обратилась к девушке директриса. – Скажи мне, не влюбилась ли в кого-нибудь Вероника?

– О да, – сразу согласилась Саломея. – И это прекрасно!

– Как есть его имя? – спросила директриса.

– Его зовут Джон Грибкофф, – ответила Саломея, потупя глаза, потому что она была моложе своих соседок и еще ни разу не влюблялась.

– Где он живет? – спросила директриса.

– Я полагаю, что в своем дворце, – сказала Саломея.

– Далеко ли его дворец от нашего Детского острова? – спросила директриса.

– О да! – искренне откликнулась Саломея.

Но более ничего конкретного ответить директрисе не смогла.

Слушая директрису, Милодар тосковал, потому что время утекало между пальцев, а широколикая директриса рассказывала крайне обстоятельно. В то же время он был убежден в том, что, не прояви директриса такой педагогической активности, вернее всего, роман Вероники и таинственного поклонника не принял бы драматических форм. Но что делать – директриса всегда действовала строго по инструкции. А инструкция требовала расследовать любое необычное явление в жизни Детского острова.

Убедившись в том, что Вероника влюблена, директриса решилась на разговор с самой ослушницей. По правде говоря, никакого преступления в любви нет, и сама госпожа Аалтонен роковым образом влюблялась, о чем старалась даже не вспоминать. Но память о том трагическом увлечении осталась в ненависти директрисы к сахару, компотам, варенью – всему сладкому. Из-за чего страдали дети, потому что в детдоме даже чай был несладким.

Директриса прямо спросила Веронику, что с ней происходит. И Вероника ответила директрисе, что она влюбилась. «В кого?» – спросила директриса. И Вероника ответила, что она влюбилась в Джона Грибкоффа, вполне достойного человека, холостого и добропорядочного. «Кто же он по специальности?» – спросила директриса, но Вероника отказалась ответить на этот вопрос, заявив, что директриса, наверное, шутит, потому что Веронике кажется странным, что на свете есть человек, незнакомый с Джоном Грибкоффом.

Директриса сделала вид, что удовлетворена объяснениями девушек, но заподозрила, что стала объектом какой-то шутки или даже заговора. Поэтому она тут же направилась в учительскую и спросила там у своих коллег, не слышал ли там кто-нибудь такого имени: Джон Грибкофф.

В большинстве своем преподаватели, воспитатели, охранники Детского острова были молодыми людьми, и все они воскликнули буквально хором:

– О, несчастный Джон Грибкофф!

После ряда расспросов директрисе удалось выяснить, что Джоном Грибкоффом называли идола молодежи, авангардистского певца и танцора родом из Мелитополя. Его хиты, такие, как «Не казни меня живого» и «Чашка кофе в моем кармане», запали в душу миллионам его почитателей...

– Как он проник на наш саари? – строго спросила директриса.

– Ах, он не проникал, – с сожалением воскликнула преподавательница латыни Ларисочка Катулл. – Он погиб, прыгнув с парашютом на вершину Эвереста, ровно три года назад.

– Погиб? – ахнула директриса.

И, не откликнувшись на удивленные возгласы в учительской, она немедленно покинула комнату и уединилась в своем маленьком кабинете.

Случилось то, чего она боялась все годы своего правления на Детском острове: в его мирную размеренную жизнь вмешалась мистика. Каждый преподаватель понимает, насколько мир живых и мир мертвых близко соприкасаются в сознании ребенка. Ребенок же, заточенный злой волей судьбы на Детском острове, тем более может оказаться игрушкой в лапах злобных сил, которые тянутся с того света. Директриса надеялась, что остров хорошо защищен от гномов, троллей и злых эльфов. Но на деле обнаружилось, что это не так. Вот она, чернокудрая Вероника, – кто мог подумать, что у нее в семнадцать лет уже наметилась связь с инкубом? Или, может быть, эти полумертвецы зовутся иначе?

Перед директрисой встала задача всерьез разобраться в этой страшной истории. И как ни тяжело было ее деликатной натуре беседовать с воспитанницей о неприятных вещах, долг приказывал ей продолжить беседу.

Директриса подстерегла Веронику, побледневшую, похудевшую и похорошевшую, у входа в столовую и попросила уделить ей несколько минут для секретного разговора.

Для этой цели на Детском острове использовали розарий, разбитый как раз за южной башней.

Вероника покорно пошла за директрисой, ничем не выказывая страха или смущения. И вот, собрав в кулак свою волю и знание русского языка, директриса сказала, глядя на воспитанницу внезапно запотевшими очками:

– Твой роман с одним молодым... киолют...

– С мертвецом, – улыбнувшись, подсказала ей Вероника.

– Вот именно, киолют, – представляет большую тревогу для воспитательского корпуса нашей коулу.

– Получается школа мертвецов, – пошутила Вероника, чем вызвала в глазах доброй директрисы неподдельный ужас.

– О нет! – ахнула директриса. – Я спрашиваю о самом настоящем! Неужели ты полюбила мертвого человека?

– Мне трудно поверить в то, что он мертвый, – произнесла Вероника. – В моей памяти он навсегда останется живым. Вы знаете, что он разбился вдребезги о вершину Эвереста, но в тот момент он продолжал петь свой последний хит.

– О да! – согласилась директриса. – Но это не есть настоящая раккауз. Это есть игра в любовь?

– О нет! – возмутилась Вероника. – У нас с Джоном все так серьезно! Он обещал на мне жениться. Он поможет мне бежать из вашей проклятой тюрьмы.

– Но что же ты называешь ванкила? – спросила директриса. – Наш родной Детский остров?

– Ах, как он нам всем надоел! – воскликнула Вероника.

– Не может быть!

– Может, госпожа Аалтонен, может.

– Это не ванкила, а место для развития творческих сил...

– Значит, я могу отсюда уехать?

– Ни в коем случае.

– Почему же?

– Потому что твое образование не завершено.

– Ну вот, такая взрослая, а врете, – ответила Вероника. – Просто вы все, люди, нас боитесь. Вам неизвестно, что во мне скрывается. Вы трепещете и бережете от нас свои вещички. А вот Джон Грибкофф никогда ничего не боится. Он может на мне жениться в любой момент.

– Нельзя!

– Почему же?

– Ты подумала, какие у вас будут дети?

– Наверное, такие же смелые, как мой Джон.

– Но ведь он есть мертвый.

– Это для вас он мертвый, а для меня – совершенно живой, – не сдавалась девушка.

– Это трагедия! Я запрещаю тебе к нему приближаться!

В волнении, охватившем директрису, она даже забыла спросить, каким образом Вероника познакомилась со знаменитым мертвецом и как он проникает на остров. Но за нее эту проблему разрешила сама Вероника.

– Госпожа Аалтонен, – попросила она директрису. – Я предлагаю вам заглянуть к нам в дортуар, и там я вас представлю Джону. Думаю, что он вам понравится, а что вы ему понравитесь – в этом нет никакого сомнения.

– Ах! – сказала директриса. Она была близка к обмороку, ибо как опытный педагог знала, что не имеет права падать в обморок в присутствии своей подопечной. И как ей ни было страшно, она согласилась последовать за Вероникой в каменный флигель, где располагались девичьи спальни.

Когда они пересекли двор замка, начался мелкий холодный дождь – осень постепенно вступала в свои права, и вскоре дни станут совсем короткими и тоскливыми. Возобновятся попытки побегов с острова, заявятся, отдохнув на Гавайских островах и в Каннах, группы психологов и физиков, чтобы изучать и мучить сироток, с целью разгадать их загадки, даже когда этих загадок нет. И эта перспектива наполняла сердце директрисы печалью, потому что она любила своих подопечных и переживала вместе с ними то, что им приходится служить подопытными кроликами.

Вот и сейчас – совершенно очевидно, что придется столкнуться с какой-то патологией и эта милая Вероника из прилежной, правда, не очень яркой ученицы десятого класса превратится в чудище, объект для недобрых психиатров или духоизгонятелей.

Они вошли в просторную комнату, где обитали три девушки. Высокое, частично забранное витражом окно, выходившее на озеро, было приоткрыто – девочек воспитывали в непритязательной суровой обстановке, зато никто из них никогда не простужался и не страдал болезнями дыхательных путей.

Комната была пуста – подруги Вероники были на занятиях.

Разумеется, директриса не раз бывала в дортуаре старшей группы, но обычно она интересовалась лишь, соблюдаются ли там чистота и порядок.

На этот раз она сразу направилась к кровати Вероники, которая стояла в отдалении от других кроватей, – места хватало всем, так что девушки могли создать себе в комнате уголок по вкусу.

В глаза директрисе сразу бросился портрет странного молодого человека, прикрепленный к стене таким образом, что, возлежа на узкой девичьей койке, Вероника могла непрерывно им любоваться.

Портрет изображал почти обнаженного мускулистого молодого человека ярко-лилового цвета с желтыми полосами, нарисованными на животе и груди. Одежда молодого человека состояла из коротких шортов, блестящих черных сапог и черной маски, скрывавшей верхнюю половину лица.

– Это он? – в ужасе воскликнула директриса, которой нравились иные мужчины.

– Да, – просто ответила Вероника. – Это и есть Джон Грибкофф, и я его безумно люблю.

– Но его на самом деле нет? – спросила директриса.

– Но он есть и на самом деле, – ответила Вероника.

– Где же он живет?

– Он живет между миром живых и мертвых, он живет в туманной бесконечности, ему там страшно скучно, и он хочет со мной дружить. Разве это плохо?

– О, эй! – воскликнула директриса. – Пожалуйста, пускай он живет там, где он живет, но только я не хочу, чтобы он беспокоил твои хермо.

– Что? – удивилась Вероника. – Может быть, я вас не точно поняла?

– Напомни мне русское слово для это понятия, – взмолилась директриса. – Это то, за что дергают.

– Хер-мо?

– Да, да! Нервы!

Директриса подошла к портрету. Она была вынуждена признать, что, несмотря на дикую раскраску, Джон Грибкофф производил впечатление гармоничного молодого человека.

– И как ты с ним познакомилась? – спросила госпожа Аалтонен. – Если это не секрет.

– Тут нет никакого секрета, – ответила Вероника. – Сначала я увидела его снимок в журнале, и мне он понравился. Потом мне попалась видеокассета с его концертом, и я подумала: вот в кого бы мне влюбиться! А потом он стал ко мне приходить.

– Как так? – Директриса, успокоившаяся было, встрепенулась. – Куда приходить?

– Сначала во сне, – ответила Вероника. – Но мне этого было мало. Мне хотелось до него дотронуться.

– Но ты знала, что он мертвый?

– Он не совсем мертвый, – терпеливо разъяснила девушка. – Все, кто попадает на вершину Эвереста, остаются в значительной степени живы.

– Хорошо, – не стала спорить директриса. – Значит, обнаружилось, что твой избранник в значительной степени жив и готов тебя трогать?

– Вы совершенно правы, госпожа Аалтонен, – согласилась девушка.

– И у вас есть... кохтаус?

– Простите, госпожа директриса. Я не совсем поняла, на что вы намекаете, но надеюсь, что вы не имеете в виду ничего неприличного?

– О нет! – Теперь наступила очередь смущаться директрисе. – Кохтаус – это когда два человека только видят друг друга, но ничего больше не делают.

– Так у нас и было, – согласилась Вероника. – Но, честно говоря, мне хочется, чтобы Джон Грибкофф сделал со мной что-нибудь еще... более энергичное. Мне же семнадцать лет, и одного кохтауса мне недостаточно.

Директриса почувствовала облегчение, потому что происшествие, как оказалось, пребывало в рамках допустимого. Подобные случаи в детском доме уже бывали. Воспитанники и воспитанницы устраивали романы между собой, был даже случай, когда воспитанница соблазнила преподавателя черчения. Что же касается влюбленности в актеров, спортсменов и телевизионных полицейских, то подобные случаи происходили довольно часто.

Директрису смущало только, что возлюбленный Вероники уже умер и никто этому не удивляется. Надо будет проверить с психиатром, не зарождается ли в девушке болезнь некрофилия, то есть любовь к мертвецам.

– И где же вы делаете... кохтаус? То есть встречаетесь? – спросила директриса.

– К сожалению, госпожа Аалтонен, я не смогу вам ответить на этот вопрос, – сказала Вероника. – Потому что вы мне наверняка запретите наш кохтаус.

Вероника уже сомневалась в том, что под словом «кохтаус» скрывается всего-навсего «свидание».

– Но ведь это шутка, игра! – воскликнула директриса, зная уже, что совершает ошибку. Если ты имеешь дело с человеком, у которого есть мания – какая угодно: любовная, национальная или идейная, – надо с ним если не соглашаться, то по крайней мере не спорить.

– Для вас, может быть, и шутка, – спокойно ответила девушка. – Но для меня переломный момент в жизни. Может быть, я убегу от вас вместе с Джоном. Он уговаривает меня бросить вашу школу.

– И где же вы будете жить?

– У Джона осталось несколько замков и летних домиков. Может быть, мы с ним побудем на Таити.

– Голубушка, – рассердилась директриса. – Какой еще Таити? Твой Джон умер, разбился, ты же сама сказала!

– Что-то разбилось, а что-то для меня осталось, – загадочно произнесла Вероника, взяла с тумбочки небольшую фотографию своего возлюбленного и поцеловала ее. После этого она протянула ее директрисе со словами: – Поглядите.

Поперек фотографии было написано размашистой рукой:

«Моей возлюбленной Веронике от верного ей Джона Грибкоффа». И дата: «6 сентября». Две недели назад.

– Ясно, – сказала директриса, возвращая фотографию и тяжело вздыхая. Она не думала раньше, что Вероника – такая лгунишка. Самой подписать себе фотографию – как это пошло!

В то же время маленькая ложь тщеславной девушки чем-то успокоила директрису. Если Вероника идет на такие наивные хитрости, значит, опасности для ее жизни и жизни человечества пока нет. Хотя, конечно, девочка требует к себе повышенного внимания – такой возраст... что поделаешь!

– Вероника, – сказала директриса, – я тебя понимаю. Трудно девушке в таком возрасте находиться в четырех стенах, даже если это золотые стены. Но ты знаешь, что с окончанием школы заканчивается и исследование тебя. Мы будем надеяться, что твои родители будут найдены и откроется тайна твоего происхождения. И ты вернешься в свою семью или, если захочешь, продолжишь свое образование на Земле.

– А вот это никому не известно! – резко возразила Вероника, и ее щеки окрасились ярким румянцем. – Откуда мне знать, что я – обыкновенный человек? А вдруг во мне таится чудовище? Или страшный микроб? Или по достижении совершеннолетия я взорвусь, подняв в воздух весь ваш любимый остров?

– О нет! – воскликнула директриса, которая и сама всегда жила в ужасе от такой возможности. – Это так на тебя не похоже, Вероника! Ведь ты всегда была хорошей пейти!

– Была, да кончилась, – сурово ответила Вероника. Она обратила свой воспаленный взор к большому портрету лилового красавца и воскликнула: – О мой Джон, ты один во всем свете не боишься меня, ты один мне доверяешь! О, как я устала жить в роли потенциального чудовища, быть чужой среди людей, к которым я так стремлюсь всем сердцем. Я хочу быть обыкновенной девушкой, я хочу целоваться с простым сельским парнем, но даже здесь судьба смеется надо мной – из всех возможных поклонников мне достался лишь один – труп, разбившийся вдребезги о вершину Килиманджаро!

– Эвереста, – поправила воспитанницу памятливая директриса.

– Ах, какое мне дело до того, как называется та гора, которая подставила под твоё мягкое тело свои острые скалы! И ты остался лишь видением... Но и этого мне не дано! И это у меня отбирают!

– Никто не отбирает его у тебя, – откликнулась директриса. – Ты вольна любить этого Джона. Только не принимай так близко к сердцу. Учись, гуляй, играй в подвижные игры... никто не будет тебе мешать. Ведь нас беспокоит лишь твоё душевное состояние!

Но Вероника не слушала добрую директрису. Она рухнула на кровать и залилась горькими слезами.

* * *

Комиссар Милодар внимательно слушал рассказ директрисы. Он поднялся, подошел к окну и стал вглядываться в озерную даль, затянутую мелким дождем.

– И что же заставило вас не поверить девушке? – спросил он наконец.

– Как вы догадались, что я не поверила?

– Иначе зачем вам ночью бегать по острову?

– Тьетенкин, – согласилась директриса. – То есть разумно с вашей стороны. Я не до конца поверила девушке. Потому что я просила врача усилить наблюдение за этим ребенком...

– Сколько ребенку лет?

– Семнадцать по земному счету. Но мы не знаем, сколько по ее счету.

– Надо бы раньше выпускать ваших птенчиков на волю! Они застаиваются в гнездышке.

– О, я вас понимаю! Но есть указание ИнтерПола задерживать пребывание сирот на Детском острове до последней крайности. Сироты должны быть идентифицированы.

– Как? – удивился комиссар.

– Это есть русское слово! – гордо сказала директриса, которой не всегда легко давались очень длинные русские слова.

– Ну да, конечно, – согласился комиссар. – А я уж было решил, что чукотское.

Директриса не оценила юмора и продолжала свой рассказ:

– Рапорт врача сообщил, что душевное состояние Вероники остается напряженным. Что ей свойственны резкие перепады настроений.

– Может быть, это возрастное? – спросил комиссар.

– Нет, доктор полагает, что это связано с активным романом. Что он либо существует, либо почти существует.

– Что говорят воспитанницы?

– Они буквально заворожены тем, что у Вероники происходит роман с самым настоящим таинственным мертвецом.

– Они в это верят?

– Все без исключения!

– И не шокированы этим?

– Наоборот, комиссар. У нас особенный контингент сирот. Они чувствуют себя мизерабиль.

– Это по-фински?

– Нет, это название романа французского писателя Виктора Гюго.

– Вы хотите сказать, что они верят Веронике назло вам, госпожа Аалтонен?

– Нет, не мне, – твердо возразила директриса. – А вам, господин комиссар. Всей бесчеловечной системе, которая заточила на острове детей, и без того лишенных родительской ласки.

Директриса смахнула случайную слезинку. Комиссару стало неловко, будто это он придумал такую жуткую долю для детишек.

– Продолжайте, – отрезал он.

Директриса пожалала плечами, и комиссар понял, что душой она остается на стороне сироток и потому ее пора менять: при таком эмоциональном состоянии руководителя колонии недолго и до беды. Под грубой, массивной, широкоскулой, белоглазой оболочкой директрисы трепетало слишком чувствительное сердце. Если та же Вероника окажется опасной, директриса может закрыть на это глаза из жалости к девушке. К сожалению, жалость – это личное чувство, а на директрисе лежит ответственность за судьбы детей и Земли в целом.

Сделав мысленно зарубку в памяти – приговор директрисе, Милодар дослушал рассказ.

Оказывается, вчера ночью дежурная по дортуарам старших групп сообщила ей, что Вероника только что покинула свою спальню и пробирается к выходу из замка. Старшие группы знали все секреты замка и отлично понимали, что его неприступность и древность лишь кажущиеся. На самом деле опытный человек может выбраться из замка и незаметно возвратиться в него в любой момент.

Пока Вероника спускалась на кухню, чтобы оттуда через склад подземным ходом выбраться за ворота, директриса, не поднимая лишнего шума, надела серый плащ и последовала за Вероникой. Директриса понимала, что девушка задумала нечто запретное, но не знала еще, насколько запретное.

Вероника, несмотря на ужасную погоду, одетая лишь в пеньюар, сбежала к причалу, и там, как оказалось, в сторожке возле причалов ее ждал некий молодой человек, показавшийся директрисе весьма темнокожим. И хоть в последующих событиях директриса не имела возможности тщательно рассмотреть охальника, она могла бы поклясться, что молодой человек как две капли воды похож на покойника, чей большой портрет висит над кроватью Вероники. Более того, директриса могла поклясться, что роман Вероники с покойником зашел так далеко, что если бы не своевременное вмешательство госпожи Аалтонен, Вероника наверняка лишилась бы девичьей чести, которую она охраняла совсем не так тщательно, как положено это делать девицам семнадцати лет.

Но вот дальнейшие события директрисе были непонятны и ее пугали.

Насколько она смогла увидеть, моторка, на которой пытался скрыться покойник, перевернулась, и фиолетовый любовник скрылся в волнах Ладожского озера. Утонул ли он в ледяной воде или смог выбраться, оставалось тайной. По крайней мере, после того, как директриса утатила в замок плачущую Веронику, она подняла по тревоге спасательные службы озера. Но ни остатков лодки, ни тела покойника отыскать не удалось. Если Джон Грибкофф погиб вторично, то на этот раз бесследно.

Вся эта история и заставила директрису в тот же день связаться по инструкции с ИнтерГ-полом и лично с комиссаром Милодаром.

Комиссар Милодар внимательно выслушал сообщение директрисы, которая очень боялась, что комиссар поднимет ее на смех.

Ничего подобного. Милодар бросил все свои дела и немедленно прибыл в детский дом.

– Да, – сказал он, когда директриса завершила рассказ. – И что же вы думаете?

– Ничего уже не думаю, – призналась госпожа Аалтонен. – Я видела черт знает что, я слышала черт знает что, и мне хочется поскорее уйти на пенсию, уехать на острова Зеленого Мыса и открыть там школы для одаренных детей-акварелистов.

Милодар посмотрел на директрису в изумлении, но промолчал, потому что и сам ловил себя в последнее время на желании бросить все к чертовой бабушке и заняться поисками подводных сокровищ, утерянных испанскими галионами по пути из Панамы к Барселоне.

– Тогда, – произнес комиссар Милодар, – нам ничего не остается, как побеседовать с потерпевшей.

Директриса понимала, что комиссар прав, и, тяжело вздохнув, повела его через двор во флигель, примыкавший к восточной стене замка, где располагались спальни воспитанников.

* * *

Вероника, пробыв два часа в лазарете, где выяснилось, что ничто в ней не повреждено, возвратилась к себе в комнату. Где и улеглась на постель, потому что была на тот день освобождена от занятий.

Она лежала на постели, закрыв глаза и отказываясь принимать пищу, даже компот из ананасов без сахара, к которому она была весьма равнодушна.

На соседней кровати сидела девушка по имени К°, читавшая книгу Достоевского «Идиот», что говорило о хорошей постановке образования на Детском острове.

Девушка Ко произвела на комиссара двойственное впечатление. С одной стороны, она была робкой, – даже встав, чтобы поклониться комиссару и госпоже Аалтонен, она не посмела поднять взор. Но когда через несколько минут он перехватил ее взгляд, тот удивил его смелостью и даже некоторой наглостью.

Несмотря на то что девушки К° и Вероника, занимавшие соседние койки в дортуаре, были совершенно различны, опытный взгляд комиссара Милодара уловил близкое между ними сходство. Ко была голубоглазой блондинкой – ее пышные пшеничные тяжелые волосы никогда не знали еще краски или парикмахерских щипцов. Вероника же, лежавшая на кровати с закрытыми глазами, была пышноволосой брюнеткой, и цвет ее глаз был неизвестен. Но размером и фигурами девушки были удивительно схожи.

– Простите, – сказал комиссар Милодар, – простите за вторжение, однако нас привело к вам чувство долга.

– Ой, конечно же, садитесь, – сказала Ко, откладывая Достоевского в сторону. – И вы, госпожа Аалтонен, присаживайтесь. Мы вас ждали.

Говоря так, Ко сквозь опущенные ресницы разглядывала комиссара.

Комиссар Милодар был невелик ростом, отчего многим людям казался схожим с небольшой хищной птицей, допустим, соколом. Этому способствовало и то, что его крупный крепкий

нос чуть загибался к концу, создавая впечатление клюва. Небольшую голову комиссара венчала копна черных с проседью курчавых жестких волос. Женщины, которые любили комиссара Милодара, а его любили многие женщины, более всего стремились запустить пальцы в его жесткую шевелюру. На смуглом лице комиссара горели светло-карие, почти желтые, кошачьи, а может, тоже птичьи глаза, которые, казалось, пронзали собеседника и утверждали: «Я вижу тебя насквозь, негодница!»

Ко невольно насторожилась.

Но тут комиссар засмеялся, и лицо его, такое жесткое и даже суровое, удивительным образом преобразилось. Тонкие лучики побежали от уголков глаз, по-клоунски загнулись углы тонких губ, даже нос потянулся кончиком вверх – милее и добрее Ко не приходилось видеть человека.

Осторожнее, приказала себе Ко, которая, несмотря на малый жизненный опыт, отличалась наблюдательностью и недоверчивостью ко взрослым. Сверстники могли быть друзьями, взрослые, почти без исключения, относились к сиротам настороженно, опасливо и неискренне. Даже если при этом мило улыбались.

– Вероника! – воскликнул комиссар, подходя к ее кровати. – Я пришел помочь тебе. Лежи, лежи, не поднимайся, у тебя нервный срыв. Мой долг тебе помочь.

Вероника открыла синие глаза – они оказались у нее такими же, как у Ко. Только у Ко они были поярче и повеселее.

– Чем же вы мне поможете, господин, имя которого мне забыли сообщить?

– Ах, это мое упущение! – воскликнула добрая госпожа Аалтонен. – Я не представила вам комиссара Милодара, одного из руководителей ИнтерПола, который расследует дело о нападении на тебя, дорогая Вероника.

– Как приятно, что обо мне беспокоятся такие высокие начальники, – ответила Вероника. – Но я ничем вам не могу помочь. Я находилась в припадке лунатизма, а когда очнулась, то рядом со мной была госпожа Аалтонен. Она вам все и расскажет.

– Она мне все рассказала, – признался комиссар. – Но как вы можете догадаться, ее рассказ меня не удовлетворил. Так что придется выслушать и вашу версию. Гарантирую полную конфиденциальность. То есть тайну исповеди.

– Мне выйти? – спросила Ко.

– Наоборот, мне вы нужны, как лакмусовая бумажка. Я буду слушать, что говорит Вероника, и поглядывать на вас. И по вашему лицу, может, смогу определить, когда Вероника говорит правду, а когда лжет.

– Ну тогда я точно уйду! – Ко отбросила книгу и вскочила.

«Ого, – подумал Милодар. – Сейчас в ней, наверное, метр восемьдесят. И она еще не перестала расти. Чертова акселерация! Когда же она прекратится? Все девушки выше меня ростом!»

– Ты испугалась, что Вероника будет врать мне? – спросил Милодар, не скрывая усмешки сатира.

– Нет, почему вы так решили! – Ко была смущена.

– Оставайся, Ко, они хотят нас запугать, – попросила Вероника.

– Ничего подобного! – возмутилась госпожа Аалтонен.

– Как мне все это надоело! – Вероника не обратила внимания на возглас директрисы. – Сплошные допросы, подозрения, преследования! Не успеешь влюбиться, как вокруг уже начинают принимать меры!

Она была в тот момент удивительно хороша. Синие, как аквамарины, глаза излучали ослепительный гнев, ресницы превратились в стаи черных стрел, нацеленных в сердца обидчиков, черные кудри разметались по плечам, щеки порозовели, а нос побелел.

Милодар терпеливо ждал ответа, а для этого Вероника должна была успокоиться. Когда девушка успокоилась, она сказала:

– Все было бы хорошо, если бы за мной не следили.

– Сомневаюсь, – вдруг вмешалась в разговор Ко. – Ты же сама говорила, что в последнее время Джон стал каким-то нервным, агрессивным.

– Я бы не посмела войти в сторожку, – произнесла директриса, – если бы вы, Вероника, не вызвали о помощи изнутри.

– Я звывала о помощи совсем не для того, чтобы мне ее кто-нибудь оказывал. Неужели вы, прожив долгую жизнь, до сих пор об этом не знаете?

– Я знаю, что я должна верить людям, – ответила госпожа Аалтонен со свойственным ей чувством собственного достоинства. – Если мне кричат «помогите!» – я спешу на помощь.

– А если он утонул на самом деле? – спросила Вероника. Глаза ее наполнились хрустальными слезами, высокая грудь нервно вздымалась. – Кто будет нести ответственность?

Директриса была в растерянности. Она лишь захлопала белыми ресницами, развела руками. Но на помощь ей пришел комиссар Милодар.

– Я полагаю, – сказал он, выходя на середину комнаты, чтобы лучше разглядеть портрет Джона Грибкоффа, – что ответственность за его смерть несет гора Эверест. Ладожское озеро тут ни при чем.

– Почему? – удивилась Вероника.

– Потому что, надеюсь, вашего Джона в свое время надежно похоронили. Или вы будете утверждать, что он – привидение?

– Я не знаю...

– Ваши сказки годятся лишь для романтических девиц и доверчивых дам-учительниц. Вы даже толком не продумали свою ложь, – сказал комиссар. – Вы не готовы к допросу. А я сейчас попрошу всех выйти из комнаты и начну допрашивать вас одну так, как это принято в ИнтерГполе, когда мы имеем дело с особо опасными инопланетными преступниками.

– Ой, не надо! – взмолилась Вероника.

– Вы не посмеете! – воспротивилась директриса. – Она еще почти ребенок!

– Мы убежим, – заявила Ко. – И будем жить в лесу. Пускай нас сожрут комары.

Милодар с интересом взглянул на подругу Вероники. Помимо того, что у них глаза были одного цвета, они были схожи стройными гибкими фигурами и высоким ростом. Но Милодар никак не мог решить, какое сочетание ему больше нравится: синие глаза и черные локоны Вероники либо пшеничные кудри и васильковые очи К°..

– Тогда, – сказал Милодар, сменив тон на мирный, – временно мы не будем никого допрашивать, а пойдем гулять. Где у вас тут гуляют?

Женщины смотрели на комиссара, широко открыв глаза. Предложение было по крайней мере неожиданным.

– Может быть, мы посмотрим на ваш причал? – спросил Милодар.

– И на сторожку, которая разрушилась от ветра, – сказала Ко, которая была сообразительнее остальных.

– Только одевайтесь потеплее, – сказал Милодар, – и возьмите с собой зонтики. Собирается дождик.

Через несколько минут мирная группа гуляющих покинула замок.

Дождик не собрался, облака разогнано ветром – над Ладогой погода неустойчивая, порой за полчаса может измениться три раза.

На поляне, расчищенной от валунов перед входом в замок, несколько мальчишек из младшей группы под наблюдением высокого, в очках, физкультурника гоняли мячик. Молодой человек поклонился директрисе и Милодару. Его движения выдавали в нем хорошего спортсмена, а манеры – воспитанного джентльмена.

– Это наш тренер Артем Тер-Акопян, – сказала директриса. – Бывший вице-чемпион мира по серфингу. Он пишет поэму о спорте и потому нуждается в тихом уютном месте для творчества. Мы предложили ему место физкультурника вместо перешедшей в балет Людмилы Георгиевны.

Физкультурник исподтишка бросил выразительный взгляд на девушек, те потупили глаза.

Милодар отстал на три шага от остальных, поднес к губам браслет часов и произнес шепотом:

– Вернисаж. Вызываю Узкое.

– Узкое на связи, – шепнул в ответ браслет.

– Проверьте, насколько лоялен преподаватель физкультуры на Детском острове по имени Артем Тер-Акопян.

– Проверен по форме шестнадцать, – ответил браслет.

– Вы свободны, – сообщил браслету Милодар. Он был разочарован, потому что предпочел бы разоблачить галактического шпиона. Так проверяли разведчиков, засылая их в Черную империю. И ни один еще не был разоблачен.

Миновав футбольную лужайку, процессия направилась вниз, к причалу.

– Рассказывайте по мере того, как мы будем спускаться, – приказал Милодар.

– Я спускалась здесь, – произнесла Вероника, – потому что в моей спящей душе звучал приказ спешить к причалу. Он увлекал меня. Я была бессильна ему сопротивляться...

– Она была в белой ночной рубашке, – сказала директриса. – Это ужасно!

– Как? – удивился комиссар. – На свидание в таком виде?

– А что поделаешь, если мертвец вытаскивает тебя из постели, забыв разбудить? – вмешалась Ко. – Я бы умерла от страха.

Они шли с Вероникой рядом, держась за руки, и так как были облачены в одинаковую детдомовскую одежду – серые платья в талию со строгими белыми воротничками, – то различались только цветом волос, во всем остальном казались близняшками.

– Я не помню, в чем была, – призналась Вероника. – Я шла как во сне.

– Вам было неприятно подчиняться воле этого чудовища? – спросил Милодар.

– Но я же не знала, что он – чудовище! – удивилась Вероника.

– Разумеется, чудовище. Ты бы слышала свой испуганный голос, моя крошка, – подтвердила директриса.

– И к тому же ты бежала босиком, – сказал Милодар, будто был свидетелем той сцены.

– Вы откуда знаете? – спросила директриса.

– Судя по старинным легендам, если девица становится жертвой страшного мертвеца, она бежит к нему на свидания босиком и даже не чувствует, как острые камни уродуют ее ноги!

– О да, – согласилась Вероника. – Я была его рабой. Я не могла сопротивляться. И мои нежные ноги не чувствовали острых камней. Его голос проникал в мое незащищенное сознание. Это был типичный мертвец. Фиолетового цвета!

– Ах! – Ко вырвала руку у своей подружки. Ей стало страшно, директриса закрыла ладонями лицо, но тут же споткнулась о корень сосны и полетела вперед. Комиссар Милодар не сделал и попытки поймать директрису, и этот подвиг выпал на долю Ко, которая успела обернуться, сообразить, что же происходит, прыгнуть рыбкой и принять госпожу Аалтонен на грудь. Чудом массивная директриса не переломила пополам свою тоненькую воспитанницу.

– Простите, – сказал комиссар Милодар, – что я не участвовал в этой сцене, однако для тех, кто еще мало меня знает, я должен сообщить, что перед вами находится не тело комиссара Милодара, а лишь его искусно сделанная голограмма, то есть объемное изображение. Такие меры мне приходится принимать, спасаясь от международного терроризма и некоторых коррумпированных режимов. Я слишком много знаю и слишком многим опасен.

– Мы и не рассчитывали на вашу помощь, комиссар, – ответила госпожа Аалтонен, и они продолжили путь вниз.

Между сосен голубела гладкая поверхность озера. Чудесный прохладный день расprostерся над Ладогой.

Вот и берег.

Сосновый бор остался позади. Все было залито скромным светом северного солнца. Справа лежала повалившаяся набок сторожки. Прямо – страшно запущенный причал.

– Вот здесь все и произошло, – сказала директриса.

Девушки послушно остановились в двух шагах от сторожки. Ни страха, ни вины Милодар в них не ощущал, и это его смущало.

– Когда я подошла к сторожке, – сообщила директриса, – Вероника уже была увлечена ее... спутником... соблазнителем внутрь. Ракастайя – это будет приличное выражение?

– Любовник – это всегда неприлично, – ответила Ко, но в ее синих глазах комиссар Милодар уловил веселый блеск.

Вся эта история ему совершенно не нравилась. Нет, не нравилась, потому что была лживой. Он еще не добрался до сути этой лжи, но весь его гигантский опыт по выявлению личной и организованной преступности тревожно предупреждал его: «Милодар, будь крайне осторожен. Возможна ловушка космического масштаба!»

– Я остановилась, – сказала директриса, – и думала, что надо постучать. Но куда стучать?

– И стали подслушивать. Фу, как это некрасиво! – воскликнула Ко.

– Я директриса и обязана слушать для блага Вероники. Если бы я не слушала, ты уже была бы без чести.

– Но я вас не звала.

– Ты кричала и билась, как птичка в сетке!

– Но я не для вас кричала, – обиделась Вероника. – Я для него кричала.

– И все это время вы знали, что он мертвый? – спросил Милодар.

– Разумеется, – после недолгой паузы согласилась Вероника.

– И никаких возражений против поцелуев с мертвецом у вас не было?

– А чем он хуже живых? – агрессивно спросила Вероника.

– И от него этим самым... разложением, тухлятиной не пахло?

– Почему?

– От мертвецов всегда тухлятиной пахнет.

– Только не от Джона Грибкоффа! – заявила девушка. – От него пахло одеколоном «Торедор»!

– Бывают же исключения, – пришла на помощь подруге Ко.

– Нет, – мягко возразил Милодар. – Исключений, к счастью, не бывает. Но вы продолжайте, продолжайте. Значит, вы вошли внутрь сторожки, а он вас уже поджидал.

– Да, – подтвердила директриса, – он тянул к ней темные руки!

– Фиолетовые руки, – поправила директрису Вероника. – Чудесные фиолетовые руки.

– Как бы боевая раскраска, как говаривали ирокезы, – пояснил Милодар, хотя никто его об этом не просил.

– Он всегда такой.

– Мертвецам этот цвет идет, – согласился Милодар. – И значит, запах от него шел несильный?

– Не было запаха! – возмутилась Вероника.

– А я не спорю. Значит, вы проснулись и принялись...

– Я не принялась!

– И он заключил вас в объятия?

– Да, да, да! Я уже говорила!

– А объятия были холодные?
– Почему? – не поняла Вероника. – Самые обыкновенные горячие объятия.
– У мертвеца? Он что у вас, с подогревом?
– Но он же не совсем мертвый. Для меня он – как Ленин для коммунистов – вечно живой.
– Но коммунисты с Лениным не обнимаются.
– Не знаю, – сказала Вероника. – Но нам с ним было приятно обниматься. Я имею в виду Джона.

– Спасибо за пояснение, – сказал Милодар. – Значит, нам повезло с мертвецом. Пахнет одеколоном и еще с подогревом.

– Замолчите, какой вы гадкий!

– И что он с вами стал делать в сторожке?

– Он взошел со мной на ложе, – официально заявила девица, – и намеревался меня любить.

– И при этом совершенно не вонял.

– Да что вы с этой вонью к ней пристали! – воскликнула Ко. – Если ей показалось, что не пахнет, значит, это не играет роли.

– Еще какую роль играет! Представьте себе, госпожа Аалтонен не успела бы откликнуться на крики несчастной жертвы...

– Я тихо кричала, – буркнула Вероника. – Я кричала, потому что в таких случаях положено кричать. Знала бы, что вы подслушиваете, взяла бы себя в руки и промолчала.

– Разумно, разумно, – задумчиво произнес комиссар. Он пошел вокруг сторожки, остальные последовали за ним. С дальней стороны находилась полуразрушенная стена.

– Здесь привидение выскакивало наружу? – спросил Милодар.

– О да! – подтвердила его версию мадам Аалтонен. – Он ударил, как будто бульдозер. Есть такое русское слово?

– Еще как есть! – подтвердил комиссар.

– Могли вполне меня и погубить, – добавила Вероника.

– Удивительное привидение, – сказал Милодар. – Не воняет, горячее, как печка, убегает из сторожки, выломав половину стены. А потом?

– Потом он побежал вон туда, – показала директриса. – Там была привязана лодка.

– И привидение, ко всем своим бедам, еще вынуждено было управлять лодкой.

– И притом неудачно, – сказала директриса.

– Он утонул? – спросил комиссар.

– Я надеюсь, что он выплыл, – сказала Вероника. – Вообще-то говоря, он отлично плавает. Мне приходилось видеть, как он плавает.

– И он вернулся к себе в могилу... – завершил беседу Милодар. Затем он обратился к директрисе: – А как вы думаете, где прячутся мертвецы на день?

– Наверно, в земле, – сказала директриса. – Или, может быть, в морге, если его не успели похоронить.

– Вы так себя ведете, словно вы нам не верите, – с осуждением заявила Ко.

– А вы себя ведете так, – ответил Милодар, – будто верите во всю эту чепуху.

– Это не есть чепуха! – неожиданно обиделась директриса. – Я сама его почти поймала. Такой страшный.

– Страшный? – спросил Милодар у Вероники.

– Когда как, – уклончиво ответила девушка.

– Тогда все свободны, – заявил комиссар Милодар.

– Как так свободны? – не поняла директриса. – Вы хотите сказать, что желали произвести наш арест, а затем передумали?

– Все правильно, за исключением ареста, – ответил комиссар. – Девушкам пора приступить к занятиям, вам, госпожа Аалтонен, надо бы вернуться в свой кабинет и подхватить бразды управления Детским островом. А я пойду гулять.

– Но почему? Вы же расследуете очень серьезное дело! – воскликнула директриса.

– Но я же буду очень серьезно гулять, – ответил Милодар. – И очень серьезно думать, как мне разгадать это дело.

Он кинул быстрый взгляд на Веронику. Та наморщила круглый лобик. Решение комиссара ее встревожило. Ко стояла рядом и внимательно смотрела на комиссара. Она, судя по всему, ему не поверила. Ну что ж, сами придумали, сами и расхлебывайте, подумал комиссар.

И, приказав женщинам оставить его одного, комиссар Милодар стоял на месте до тех пор, пока они не скрылись за стволами сосен, сопровождаемые громким карканьем вороны, сидевшей на низкой ветке сосны.

Тогда он и начал свое расследование.

* * *

Комиссар был сторонником классической криминалистики. Подобно деревенскому знахарю или старенькому сельскому доктору, он верил в интуицию и лечил общество с помощью жизненного опыта, знания человеческой натуры, а если надо было – твердости характера и пренебрежения к риску и воплям больного.

Убедившись в том, что никого поблизости не осталось, комиссар осторожно вошел в сторожку. Так как он был голограммой, физическая опасность ему не угрожала, но психологически трудно ползти под упавшими палками, бревнами, досками, которые могут рухнуть в любой момент.

Если бы вы задали комиссару вопрос, что же он ищет, комиссар пожал бы голографическими плечами и ничего не ответил. Он сам не знал. Он искал то, что попадется. А уж из этого он делает нужные выводы.

В развалинах сторожки было темно, шуршали мыши-полевки. На опрокинутой широкой скамье обнаружился клочок белой шелковой одежды. Это был след любви. Он ничего не давал расследованию, лишь подтверждал то, что свидетели говорили правду.

Милодар повторил путь бегства мертвеца из сторожки в сторону причала, для этого ему пришлось проникнуть сквозь доски, дико проломанные телом Джона Грибкоффа. На одном из изломов Милодар обнаружил следы крови с помощью специального малозаметного манипулятора, который, в отличие от комиссара, не был голографическим. Он сложил образец в мешочек у пояса: определение группы крови мертвеца могло помочь следствию и, главное, доказать со всей очевидностью, был ли это мертвец либо вполне живой охотник за телами юных воспитанниц.

Милодар выбрался на причал. Дождь и роса смыли следы на досках, и молекулярная собака Милодара не взяла следа. Впрочем – а что его брать, если ясно, что подозреваемое лицо скрылось на лодке. Что было, впрочем, странным решением для мертвеца. Привидениям лодка обычно не требуется, так как любое привидение может пройти по поверхности воды. Да и лодка... Как же он забыл!

Милодар нажал на кнопку браслета часов и попросил дать ему связь с кабинетом директрисы.

– Госпожа Аалтонен, надеюсь, я вам не помешал? – спросил он.

– О нет, вы еще не успели помешать. Я только вернулась. А что у вас есть за вопрос?

– Вы не можете описать мне лодку, на которой скрылся тот человек?..

– О, вене! То есть лодка... Это была голубая вене. У нас такая была для прогулок... я не знаю, теперь не сезон для прогулки...

– У вас лодки с номерами?

– Вы задали правильный вопрос, комиссар! – откликнулась директриса. – Каждая наша вене имеет свой номер. Большая цифра, вам понятно?

– Какой номер был на той лодке? Я понимаю, было темно, но все же...

– Номеро есть очень нехороший.

– Тринадцать?

– Как вы догадались?

– Жизненный опыт, – скромно отозвался комиссар.

Он выключил связь и, внимательно осмотрев причал, легко прыгнул на берег, усыпанный галькой, затем пошел вдоль воды.

Путь по берегу острова местами был легкий, подобно прогулке по Черноморскому побережью, но иногда комиссару приходилось преодолевать немалые препятствия. «Какое счастье, – думал он в таких случаях, – что я всего-навсего голограмма».

В легких местах неширокий пляж, серый от гальки, был ровным, и если на нем попадались коряги, выброшенные штормом, их легко было обойти. Хуже приходилось в тех случаях, когда к самой воде подходили скалы. Порой Милодар брел по колено, а то и по пояс в ледяной воде, а иногда взбирался на крутой откос.

На узкой оконечности острова сосновый бор сбегал к озеру, так что исковерканные тяжелой жизнью корни громадных деревьев касались воды. Некоторые деревья уже упали, не выдержав испытания ветром и водой. Сюда сверху, от замка, вела узкая заросшая тропинка, которую скорее можно было угадать, нежели увидеть. Пожалуй, подумал Милодар, воспитанники и воспитанницы приюта приходили сюда, чтобы выяснить сложные отношения, а то и помечтать в тишине и одиночестве.

Милодар задержался в этом месте и принялся лазить между перепутанных сосновых корней. Поиски его были не напрасны и вскоре увенчались результатом, к которому Милодар стремился.

Заглядывая в темные ямы между корней и обвалившихся в озеро стволов, под обломками скал и мшистыми валунами, достигающими размеров паровоза, Милодар в тени коряги увидел голубую полоску. Зайдя по пояс в воду, Милодар потянул на себя нос небольшой спасательной лодки, которую кто-то притопил под корягой, полагая, что этим надежно спрятал ее от постороннего взора. На носу была выведена цифра 13.

Милодар не стал вытаскивать лодку на поверхность и вычерпывать из нее воду – ему было достаточно убедиться в ее существовании. И в том, что ее не могло загнать под колоду случайной штормовой волной. Это могли сделать лишь сильные человеческие руки.

Затем Милодар, подобно куперовскому следопыту, принялся обыскивать окрестности, стараясь не наступить невзначай на сучок или листочек, чтобы не погубить вещественное доказательство, что ему, как голограмме, было нетрудно сделать.

Поиски вскоре дали свои плоды.

Отвалив камень, на поверхности которого острый взгляд комиссара заметил свежие отпечатки человеческих пальцев, он увидел небольшую банку фиолетовой краски с надписью на ней: «Краска маскарадная, употреблять только для раскраски чертей и духов подземелья. Беречь от детей, так как, принятая внутрь, она может вызвать несварение желудка».

– Так, – произнес Милодар вслух. – Страшный мертвец обретает плоть.

Сдвинув сухие листья, под тем же камнем Милодар обнаружил черную матерчатую маску. Теперь от туалета мертвеца Джона Грибокоффа не хватало только шортов. Но их Милодар найти и не рассчитывал. Таким образом, была обнаружена база таинственного мертвеца и даже следы его переодевания. Можно было предположить, что после бегства из сторожки, спугнутый директрисой, мертвец инсценировал кораблекрушение, а затем, пользуясь плохой погодой и волнами, скрытно подогнал перевернутую лодочку к своему убежищу. А раз убе-

жище мертвеца было на Детском острове, то весьма вероятно, что он относился к числу его обитателей. А раз он относился к числу обитателей острова, то любопытно было бы его отыскать и с ним побеседовать. Милодару еще никогда не приходилось беседовать с настоящим мертвецом.

Внимательно осмотревшись и не найдя больше ничего подозрительного, Милодар двинулся в глубь острова по незаметной тропинке. Обыкновенному человеку этот лес ничего бы не рассказал, но комиссар сразу увидел сломанную сосновую иголку, прижатую к листку кислицы песчинку... Слишком громко и недружно перекликались над головой две вороны, и на это комиссар тоже обратил внимание.

На открытом участке скалы прилип листок, на нем и без лупы виден отпечаток подошвы. Ага, подумал Милодар, значит, наш мертвец смог обуться и, наверное, переодеться в своем тайнике – любопытная деталь.

Тропинка привела Милодара к площадке, заросшей орешником, – над ней возвышалась задняя стена замка.

– Ну, вот мы и ближе к дому, – заметил вслух Милодар, и вороны, передразнивая его, зловеще закаркали.

Незаметная тропинка сквозь орешник вывела Милодара к потайной двери в задней стене замка. Перед дверью зеленел небольшой водоем, по берегам которого, скрываясь в осоке и болотной зелени, сидели сонные лягушки. Одна из ворон спикировала и схватила лягушку пожирнее. Остальные с громким плеском ухнули в воду. Вода в прудике закачалась, и Милодар пошел по краю к дверце.

Дверца со скрипом приоткрылась, обнаружив слабо освещенное помещение.

Столб мутной воды вырвался из двери, ударил Милодара в лицо и опрокинул в водоем. Только то, что Милодар был голограммой, спасло его если не от смерти, то от больших неприятностей.

На его крик из двери высунулись две прачки, которые только что опорожнили бадью с мыльной водой.

– Господи, нам еще такого чудища не хватало! – воскликнула одна из них.

– А что, я не первое чудище? – сразу среагировал комиссар, сбрасывая с себя водоросли, лягушек и стебли осоки. Одна крупная кувшинка осталась у него на голове и придавала комиссару несколько лукавый и легкомысленный вид.

– Бывают, – неопределенно ответила прачка. – А вы откуда к нам крадетесь?

– Да так, вот проходил леском, – простодушно откликнулся Милодар, – вижу прудик, только собрался на берегу видом полюбоваться, как вы в меня водой плеснули.

– Значит, вы гуляли? – спросила прачка.

– И увидели прудик, – добавила вторая прачка.

Обе они были молоденькие, краснощекие. Здоровая жизнь на свежем воздухе превратила их в простушек-красавиц – кровь с молоком.

– А если вокруг посмотреть, – заметила первая прачка, вся в веснушках, – то увидишь, что попал на помойку, вон и баки помойные стоят. Самое лучшее место, чтобы гулять...

Говоря так, прачки медленно, не смывая с лиц улыбок, приблизились с обеих сторон к комиссару, железными захватами постарались вывернуть ему назад руки, резкими подножками постарались сбить его с ног и обезвредить.

Но с комиссаром Милодаром, как известно, такие приемы не проходят.

Руки прачек прошли сквозь бицепсы Милодара, как сквозь воздух. Ноги прачек пролетели по пустому месту, и в результате прачки сами потеряли равновесие и благополучно опустились точно в середину прудика, который и на самом деле наполнялся водой от стирки и некоторых хозяйственных сбросов.

Милодар отошел на несколько шагов и, опершись о ручку двери, ждал, пока прачки вылезут на сухое место.

– Пароль – Флоренция, – сказал он, как только прачки, попрыгав, вытрясли из ушей воду.

– Отзыв – Микеланджело, – откликнулись хором прачки.

– Надо смотреть, на кого кидаетесь, – сказал Милодар.

– А когда же смотреть – мы сначала действовали, господин комиссар, – ответила веснушчатая прачка.

Прачки, как и многие другие работники обслуживающего персонала, находились на службе в ИнтерГполе и даже имели чины. Прачки, например, обыскивали сданное им белье на предмет обнаружения в нем забытых предметов или надписей, затем проводили химический анализ белья, старались, к примеру, обнаружить, не содержится ли чего-нибудь подозрительного в слезах сироток, которыми они орошали свои наволочки.

Кроме того, прачки оберегали все ходы и выходы замка, и потому Милодар, не сказавший пароля заранее, стал жертвой их бдительности.

Но все закончилось благополучно, никто из прачек не пострадал, голограмма Милодара также избежала повреждений.

Поэтому комиссар сразу же приступил к допросу.

– Давно здесь дежурите? – спросил он.

Первая прачка ответила, что с утра.

– Кто проходил?

– А этим ходом никто не пользуется, – ответила вторая прачка. – Только те сотрудники, которые имеют допуск.

– А ночью?

– А ночью дверь запираем и идем спать.

– Значит, ночью можно ходить через эту дверь сколько тебе пожелается?

– Никак нет, – ответила первая прачка. – Особый патентованный замок прошел проверку в управлении секретности. Никто не сможет его открыть.

– Ясно, – ответил Милодар. Он внимательно осмотрел замок и саму дверь, затем приказал прачкам отступить на шаг внутрь замка. Когда дверь за прачками захлопнулась, он велел им запереть ее на замок. Что они и сделали. Милодар прислушивался к тому, как щелкнул замок.

– Готово? – спросил он.

– Готово.

Тогда Милодар, несмотря на то что был голограммой самого себя, начал ковырять в замке ногтем указательного пальца, который сохранял твердость и упругость. Через минуту замок щелкнул и дверь медленно распахнулась.

– Этого не может быть! – воскликнула вторая прачка.

Милодар мысленно уволил прачку из ИнтерГполя и, отстранив подчиненных, уверенно поднялся по узкой винтовой лестнице на второй этаж.

Он попал в служебный коридор. Комната с надписью на двери «Канцелярия» попала ему одной из первых, что он счел благоприятным знаком.

В канцелярии сидела лишь сама директриса, которая проверяла классные журналы. Желтые с проседью волосы толстухи были собраны в кукиш на затылке.

– Попрошу вас дать мне списки всех сотрудников Детского острова мужского пола, – попросил Милодар.

– Молодых, сильных, высокого роста, лилового цвета? – спросила директриса.

– Последнее необязательно, – оборвал Милодар слишком догадливую госпожу Аалтонен.

– Вы заблуждаетесь, – сказала директриса. – Среди сотрудников моего заведения нет ни одного киоллут. То есть мертвого человека.

– Проверка этого вопроса находится в моей компетенции, – произнес Милодар устало. Разгаданные истории для него не представляли интереса – как бывшие жены. Он даже забывал посылать им алименты.

Директриса пробежала толстыми пальцами по клавиатуре компьютера и протянула Милодару распечатку. Но на острове, не считая воспитанников, среди которых, правда, не нашлось ни одного отвечающего богатырским параметрам покойного Джона Грибоффа, отыскалось лишь три могучих молодых человека. Один из них был капитаном катера, который осуществлял связь острова с материком. Каждый день он совершал рейсы на своем небольшом грузовом судне на воздушной подушке, привозя продукты и увозя что надо. Второй молодой богатырь, стоматолог, мог бы попасть под подозрение, тем более что был негром, который вполне мог избрать лиловую краску как подходящий камуфляж, но уже вторую неделю, как знали на острове, стоматолог мучился воспалением надкостницы, щеку ему раздуло так, что он задевал ею при ходьбе за стены домов, и о любви стоматолог думать был не в состоянии.

Оставался третий и наиболее подозрительный.

Преподаватель физкультуры, кумир детдомовских мальчишек, милый и очаровательный Артем Тер-Акопян.

Что ж, он еще на пути к причалу показался Милодару подозрительным. А интуиция – основное достоинство сыщика.

– Будьте любезны, – произнес Милодар ледяным тоном, – личное дело преподавателя физкультуры Артема Тер-Акопяна!

– А я его как раз просматриваю, – ответила директриса. – Я очень заинтересовалась личными делами наших новых сотрудников.

– Какое удивительное совпадение, – заметил Милодар и не сдержал смеха. – Вам он тоже показался подходящим кандидатом в мертвецы?

– О да! – ответила директриса. – Но я не смела отвлекать господина комиссара от серьезных мыслей.

Милодар подошел к директрисе и взял у нее распечатки компьютерного дела физкультурника и спортсмена, которого никак нельзя было заподозрить в том, что он и мертвец Джон Грибофф – одно лицо.

Но тут же Милодар отбросил распечатки в сторону.

– Нет, тут что-то неверно! – воскликнул он. – Я должен с ним поговорить. Где он сейчас?

– Он сейчас должен быть в своей комнате, отдыхает после обеда, – сказала директриса. – Разрешите, я вас провожу.

Директриса осталась возле двери в комнату с табличкой «А.Тер-Акопян».

Милодар постучал в дверь.

Никто не откликнулся.

Милодар постучал сильнее.

– О! – прошептала директриса, которую, видно, мучили тяжелые предчувствия.

Так как ответа и на этот раз не последовало, Милодар толкнул дверь. Дверь открылась. Внутри никого не оказалось.

Директриса громко вздохнула от дверей, видно, полагая, что в страхе перед разоблачением молодой человек бросился с башни на камни. Но Милодар был настроен не так трагически.

Он огляделся. Освещенная тусклым дневным светом через единственное узкое окно, комната была спартански пуста и неуютна.

Узкая, так называемая девичья кровать была аккуратно застелена серым одеялом. На полу лежали гантели, в угол закатился футбольный мяч. На тумбочке у кровати лежало несколько книжек лирической поэзии, в основном русских и армянских поэтов.

Тонкими пальцами Милодар, несмотря на то что был всего-навсего голограммой, перелистал книжки, задерживая на секунду взгляд на страницах, уголки которых были загнуты. Но страницы эти отличались от остальных лишь частотой употребления слов «любовь» и «кровь».

Затем Милодар попытался произвести в комнате Артема обыск, но директриса запретила это делать в отсутствие хозяина помещения.

– Нет, нет и еще раз нет! – воскликнула мадам Аалтонен. – Вы будете ждать возвращения хозяина комнаты, а потом обыскивать по санкции прокурора!

– У меня нет на это ни секунды.

– Тем не менее! – отрезала директриса.

Милодар пожал плечами и ответил:

– Поздно будет, когда вы пожалеете.

– Я никогда не пожалею о соблюдении правил, – не сдалась директриса, и тогда сдался Милодар. Ничего не трогая, он обошел комнату, словно гулял по ней как по бульвару, и в этом директриса не могла ему помешать. Он стрелял искрами из глаз, освещая темные углы, благо их было немного, и даже заглядывал в щели между тесно пригнанными глыбами кладки.

– А вот и свидетель обвинения! – торжественно воскликнул Милодар и вытащил из тонкой щели между камнями небольшую любительскую цветную мобильную фотографию Вероники. Такие делают на ярмарках и на карнавалах. Фотография улыбалась, шептала одними губами: «Я люблю тебя!», делала серьезное лицо, томно закатывала глаза, затем все начиналось сначала. Для влюбленного такие фотографии не казались произведением дурного вкуса. Милодар уже проверял этот эффект на себе. Как-то у него начался роман с русалкой-амазонкой, руководительницей делегации этого народа, который населяет океан на Эврипиде. Русалки-амазонки носятся там по океану, оседлав дельфинов или даже акул. Руководство ИнтерГпола было категорически против романа Милодара с русалкой-амазонкой, к тому же ее родственники объявили, что забросят десант террористок в наши водоемы, если Милодар посмеет дотронуться своими отвратительными сухими пальцами до их влажной красавицы. Так что у Милодара от этого неудачного романа остался лишь фотопортрет русалки. Она улыбалась, шептала ему на трех языках «Я люблю тьбя», закрывала глаза, загадочно улыбалась, и единственная слеза скатывалась у нее по зеленоватой прекрасной щеке...

– Где он может скрываться? – спросил Милодар директоршу.

– Может быть, он в библиотеке? – ответила вопросом директриса. Наивность ее могла сравниться лишь с ее скромностью.

– Хорошо, – вздохнул Милодар. – Тогда вы поищите его в библиотеке, а я кое с кем поговорю.

– С кем? – строго спросила директриса.

– Вот об этом я вам пока не скажу, потому что вы немедленно захотите присутствовать при беседе, а мне хотелось бы сохранить ее в тайне...

– Ни в коем случае! Никаких интимных встреч! – воскликнула госпожа Аалтонен.

Но тут терпение комиссара лопнуло.

– Госпожа Аалтонен, – сказал он сухо и спрятал в карман своего голографического костюма фотографию Вероники. – Вы совершенно забыли, что директорствуете не в обыкновенной школе и даже не в обыкновенном детском доме, а в тюрьме повышенной опасности для малолетних преступников.

– О нет! Так не смеее говорить! – закричала директриса и замахала толстыми руками, словно индейка крыльями. – Это дети, несчастные крошки...

– Не надо дискуссий, – ответил кратко Милодар. – Идите в библиотеку и проверьте, надежна ли охрана острова. А я объявлю положение особой опасности.

И Милодар быстрыми шагами покинул комнату физкультурника и поспешил прочь по коридору к комнатам девочек, оставив директрису в растерянности посреди коридора.

* * *

В комнате девочек была лишь одна Ко.

– А где Вероника? – спросил Милодар от двери.

– Она гуляет, – ответила Ко.

– Ты мне покажешь, где она гуляет? – спросил Милодар.

– Наверное, на причале, – ответила Ко. – Она тоскует.

– Ты меня проводишь к ней? – спросил Милодар.

– Вы отлично знаете туда дорогу, – сказала девушка.

Милодар любовался девушкой со странным именем Ко. Он любил высоких женщин, а Ко в свои семнадцать лет уже вытянулась на шесть футов и обещала подрасти еще. У нее были тяжелые гладкие светло-русые волосы, синие, как у Вероники, глаза, пухлые светло-розовые, не знавшие помады губы и крепкий круглый подбородок.

– И тем не менее я прошу, чтобы вы меня проводили. Я объясню вам почему, – заявил Милодар. – С одной стороны, мне не хочется оставлять вас одну, потому что вы уже много знаете, а с другой стороны – я продолжаю беспокоиться за судьбу Вероники, и мне хотелось бы, чтобы в эти тяжелые для нее минуты рядом с ней находилась ее лучшая подруга.

– Спасибо за доверие, – улыбнулась Ко, и Милодару показалось, что она услышала в его монологе больше, чем он хотел ей сообщить, и куда больше, чем он на то рассчитывал.

Ко накинула на себя серую куртку и легко вскочила с постели, лежа на которой она только что читала.

Милодар острым взглядом окинул комнату, словно надеялся отыскать еще одну фотографию, но ничего, конечно, не увидел, потому что, если даже в комнате и были фотографии или любовные письма, их уже надежно спрятали.

Комиссар с Ко спустились вниз и пошли по тропинке к озеру.

– Что ж, давайте спрашивайте, – попросила Ко.

– Почему я должен вас спрашивать?

– Потому что иначе зачем вам тащить меня к озеру? – сказала Ко. – Вам хочется, чтобы я говорила с вами откровенно и никто нас не слушал.

«Черт побери, – подумал Милодар. – Если бы у меня все агенты были такими сообразительными, организованная преступность в Галактике была бы изжита».

– Тогда напомните мне, почему у вас такое странное имя.

– Вы это знаете.

– Я забыл! Я не могу помнить всякие пустяки! – рассердился Милодар. – Не делайте из меня гения – я просто талантливый руководитель полиции.

– Простите. Я вам напомню, господин комиссар. Когда меня нашли у дверей геологической станции, на моем платочке и пеленках были вышиты две буквы – К и О. Вот меня и стали звать Ко, ожидая того момента, когда мое настоящее имя будет обнаружено.

– На каком языке? – спросил Милодар.

– Что?

– Буквы были на каком языке?

– Неизвестно, – ответила Ко, совсем не удивившись такому вопросу. – Алфавит был либо латинским, либо кириллицей. Иначе кто-нибудь бы удивился.

– А почему вы не приняли условное имя?

– Это очень странно, комиссар, – ответила Ко голосом, который выдавал в ней открытую и доброжелательную натуру, – но мне несколько раз пытались дать условное имя и фамилию, обычно начинающиеся с этих букв. В детском приемнике я была Катей Осколковой, потом в

обыкновенном детдоме меня называли Кэтт и Кэтрин Осборн, а здесь пытались переименовать в Кристину Оннеллинен.

– Перевод, попрошу!

– Кристина Счастливая.

– Молодцы. И не прижилось?

– Что-то во мне сопротивляется. Отчаянно сопротивляется. Будто в глубине моей памяти живет мое настоящее имя. И пока я его не вспомню, мне суждено обходиться двумя буквами.

– И сколько же тебе было, когда тебя нашли?

– Несколько месяцев.

– Хорошая у тебя должна быть память!

– Господин комиссар, – ответила на это девушка. – Не надо во всех нас видеть только опасных для Земли чудовищ. Вы полицейский, вам по чину положено подозревать. Но если бы вы были добрее, всем было бы лучше.

– Я не имею права быть добрее, – возразил Милодар. – Вот ты, например, говоришь, что с рождения знаешь, как тебя зовут.

– Подсознательно.

– А по мне хоть подсознательно или надсознательно – все равно! Где гарантия, что ты не носишь в себе бомбу замедленного действия или вирус?

– Меня уже столько раз обследовали и изучали, что еще удивительно, как во мне что-то осталось.

– Все же пока карантин не кончится, вы все – пленники и пленницы.

– Но он уже скоро кончается. По закону в восемнадцать лет живое существо в Галактике получает галактическое гражданство и полную свободу передвижений. Остался всего год.

– Этот год мы должны провести особенно осторожно и исследовать вас втрое интенсивнее, – твердо заявил Милодар.

– Ну ладно, ладно, потерпим! Но не надо из-за ваших страхов и подозрений портить жизнь моей лучшей подруге, чудесной и тонкой Веронике.

Милодар остановился посреди тропинки и посмотрел на Ко снизу вверх.

– Значит, ты так рассуждаешь! Значит, тебя не удивляет, что твоя подруга затеяла роман с мужчиной фиолетового цвета, который погиб уже много лет назад, разбившись о вершину Эвереста?

– Вы имеете в виду Джона Грибкоффа? – засмеялась Ко.

– Что в этом смешного! Я никогда еще не сталкивался с девушками, которые так бурно вели бы романы с мертвецами.

– Дорогой мой комиссар, – сказала Ко, – неужели вы думаете, что наш замок и весь наш Детский остров настолько велики, что каждый ваш шаг мгновенно не становится известен любому первоклашке? Неужели никто не знает, что вы бежали на оконечность острова и нашли там притопленную лодку номер тринадцать?

– Вы знаете об этом? – Комиссар, специалист по конспирации, был поражен.

– Неужели вы думаете, что никто не знает о том, что вы обыскивали комнату физкультурника Артема, а директриса просила вас этого не делать?

– Черт побери! – рассердился Милодар. – Я не могу работать, когда происходит такая утечка информации!

– Вы не отрицаете? – спросила Ко.

– Я ничего не отрицаю, но и не подтверждаю. Что вы еще узнали?

– Есть мнение, что в комнате физкультурника, нашего обожаемого Артемчика, вы нашли фотографию Вероники.

– Нашел.

– И обо всем догадались!

– Догадался.

– А теперь хотите услышать всю историю из уст Вероники.

– Может, сначала из ваших?

– Неужели я похожа на сплетницу и доносчицу?

– Я еще в жизни не встречал ни одной сплетницы и доносчицы, которая была бы похожа на сплетницу и доносчицу, – парировал Милодар.

– Тогда потерпите – осталось сто метров.

Девушка была права, и потому Милодар предпочел миновать последние метры до озера, наслаждаясь вечерним воздухом, ароматом сосен, свежим запахом озерного ветра и легким ароматом французских духов, строго запрещенных на Детском острове, отчего обладание духами было делом престижным.

Вероника сидела пригорюнившись на краю причала, свесив босые ножки, и болтала ими в холодной воде. Неподалеку от причала бродила крупная ворона, выклеывая что-то из щелей между досок.

– Вы же простудитесь! – воскликнул Милодар, выйдя на открытое место.

– Ну и пусть, – ответила девушка, ожегши его синим светом глаз. – Мне вовсе не хочется жить после того, как вы погубили моего мертвого друга.

– Ах, Вероника, – откликнулся на это Милодар, ступая на заскрипевшие доски причала, – ну зачем же лгать мне, старому сыскному волку. Передо мной склонялись разведки злобных планет, и мне сдавались банды космических пиратов. А ты полагала, что сможешь меня провести? Я же не директриса Аалтонен, которая готова поверить в любого ходячего мертвеца.

– Не в любого! – не сдавалась Вероника. – А в Джона Грибкоффа, о котором знает каждый.

Милодар присел на корточки рядом с Вероникой. Ко разулась и, держа туфли в руке, пошла по прибрежной гальке к выдававшейся в воду скале. Предвечерний воздух был так тих, что слышно было, как выплескивает вода от каждого ее шага.

– Я провел небольшое расследование, – произнес Милодар, глядя вдаль. Плеснула крупная рыба. Небо было бесцветным. – И мне не составило труда определить, что твоего мертвеца зовут Артемом Тер-Акопяном, служит он здесь физкультурником, лодку свою прячет вон там, под корнями сосен, маску и краску – у той скалы... В замок входит по ночам через дверцу, которая ведет в прачечную.

Подобно молнии Вероника вскочила на ноги.

– Как ты посмела! – закричала она, гневно глядя на подругу. – Зачем ты все ему рассказала?

– Какая глупость! – Ко даже не обиделась. – Я даже и не подозревала, что Артемчик прятал здесь лодку. Зачем мне знать?

– Нет! – упорствовала Вероника. – Это был мертвец! Я не знаю никакого Артема.

Стоя в отдалении, Ко заметила:

– Когда тебя поймали, лучше сознаться. Может, комиссар подобреет.

– А я добрый, – сообщил Милодар, не вставая с корточек, и кинул в воду монетку. Все следили за тем, как она, подпрыгивая блинчиком, унеслась в закатную даль. – Мне почти все ясно, и потому я не намерен сердиться. Конечно, если вы будете говорить правду и только правду.

– Ну что вы ко мне пристали! – Вероника вскочила и побежала к концу причала. Никто не мешал ей, не останавливал. Так что ей пришлось остановиться самой. – А что вы узнали? – спросила она у комиссара.

Комиссар кинул еще одну монетку. На этот раз неудачно. Подпрыгнув раза три, она утонула.

– А я рассудил, причем без всякой помощи со стороны вашей подруги, что все таинственные явления имеют самые обычные объяснения. И только если обычное объяснение ничего не объясняет, тогда следует обратиться к необычным объяснениям. Как правило, это заводит в тупик.

– И вы догадались?

– С моим опытом и способностями – мне не стоило большого труда...

– Даже я бы догадалась на месте комиссара! Тоже мне – конспираторы! – заявила Ко.

– Как все было сделано – ясно, а вот зачем – попрошу объяснений, – потребовал комиссар.

– Чтобы не догадались, – вякнула Вероника. – Спросите Ко.

– Это я для них придумала, – заявила Ко. – И на нашем месте вы бы сделали то же самое.

– Говорите!

– Если бы директриса или кто-нибудь из доносчиков выследил Веронику и Артема – начались бы скандалы, разборки и Артема бы в два счета выгнали бы с острова.

– А быстро бы выследили? – деловито спросил комиссар.

– В два счета. Островок наш невелик, а за морем материк, – ответила в рифму Ко. – Директриса имеет не только штатных осведомителей – поваров, прачек, медсестер и уборщиц, но и добровольных доносчиков из числа заключенных нашего острова.

– Как вы сказали?

– Я сказала – заключенных!

– Это несправедливо, – обиделся Милодар. – Вы должны быть благодарны правительству и ИнтерГполу, которые идут на все, чтобы обеспечить вам счастливое детство.

– Погодите, комиссар! – возмутилась Вероника. – А если бы я захотела сегодня слетать на Гималаи! Возможно ли это?

– Зачем вам на Гималаи? – удивился комиссар.

– Вам задали вопрос, – строго сказала Ко, – отвечайте на него, не виляйте хвостом.

– Не смейте так разговаривать с комиссаром ИнтерГпола!

– Значит, нельзя?

– Напишите заявку, соберите группу, – быстро сказал Милодар, – и отправляйтесь на ваши Гавайские острова. Хоть завтра!

– Если, конечно, ваши сотрудники, которые будут обеспечивать контроль и охрану окружающей среды от нас с Вероникой, не будут на пикнике или в отпуске. В ином случае нам посоветуют подождать до следующих каникул.

– Девушки, девушки, вы же знаете, что все делается ради вашего блага! Земля опасна, на ней сохранилось еще немало хищников и вредных насекомых!

– Вероника, комиссар боится, что нас задушит анаконда, – сказала Ко.

– Одна на двоих, – подтвердила с язвительной улыбкой Вероника.

– Нет, – возразила Ко, и лицо ее стало серьезным. – За нас комиссар не боится. Но он ужасно боится за судьбу несчастной беззащитной Земли, для которой мы с тобой представляем страшную угрозу.

– Девушки, девушки, не так громко...

– А почему мы должны молчать? Мы и без того такие опасные!

Ворона, опустившись на нижнюю ветку сосны, громко каркнула, будто выражала поддержку девушкам.

– И давно у вас тут вороны каркают? – спросил Милодар.

– Он пытается нам зубы заговорить! – злым голосом воскликнула Вероника. – Ему не хочется признавать, что его милая лавочка держит нас здесь взаперти, словно мы уже совершили страшные преступления.

– А что, если так случится?

– Даже самого страшного убийцу на Земле не считают убийцей, пока его не осудит суд. А нас, детей, можно считать заведомыми убийцами? – сказала Ко. – Почему мы должны, и без того наказанные судьбой, раз лишены папочек и мамочек, еще лишиться свободы?

– А если...

– Только не надо вашей занудной пропаганды! – возразила Ко. – Не надо нам талдычить про страшных чудовищ, которые заключены в нас, про вирусы и убийственные наклонности, которые в нас проснутся. Вы, комиссар, в своей жизни побывали на разных планетах. Вы имели куда больше шансов, чем мы, маленькие дети, подхватить вирус или внедрить в свое тело паразита. Но мы-то вас не держим на острове.

– Не я придумал эти правила, не мне их отменять, – сказал комиссар. – Сейчас мы говорим о другом.

– Сейчас мы говорим именно об этом, – зло сказала Ко. – Поставьте себя на наше место. Мы-то знаем, что мы обыкновенные, и мы хотим всего, чего хотят наши сверстники на воле. Но нам ничего нельзя. И потому мы понимаем, что наш единственный шанс – воспользоваться слабостью наших тюремщиков...

Комиссар поморщился. Слова «тюремщики», «лагерь», «воля» вызывали у него желудочные спазмы.

– Мы уговорили Артема, который безумно влюбился в Веронику, – сказала Ко, – последовать идиотским правилам игры. Если бы мы сказали, что у Вероники роман с учителем физкультуры, – объект ее страсти немедленно бы вылетел с острова. Но что случится, если мы с Вероникой на всех углах будем кричать, что ее преследует мертвец Джон Грибкофф? Это будет шок, за которым, вернее всего, не последует выводов, потому что мертвец – самая подходящая пара для Угрозы мира!

– Так... вы решили, что если Вероника начнет рассказывать совершенную чепуху, ей никто не поверит, никто не станет ее выслеживать и, уж конечно, никто не заподозрит физкультурника Артема в попытках обесчестить воспитанницу детского дома, несовершеннолетнюю притом, – понял ситуацию Милодар.

– А если кто-то и заметит нашу парочку, – завершила рассказ Ко, – то рассказывать другим постыдится. Кому хочется, чтобы про него говорили, что он верит во всякую мистическую чепуху и повторяет бредни полоумных девчонок.

– Ну что ж, остроумно. Даже слишком остроумно для подростков, – произнес Милодар.

– Мы не подростки, – сурово ответила Вероника. – Мы уже девушки.

– И может быть, в зловещем вертепе, откуда мы все родом, совершеннолетие наступает в шестнадцать, – сказала Ко.

– А может, и в четырнадцать, – высказала предположение Вероника.

– Ну что ж, ловко! – вынужден был признаться Милодар. – Все знали, что у Вероники роман с мертвецом. И отворачивались, когда случайно видели мертвеца на вашем острове.

Тут Вероника вздохнула и добавила:

– Все было бы хорошо, если бы не наша госпожа Аалтонен. Она не ест сахар и нам не дает. Она такая глупая, что у нее даже фантазии нет, – сказала Вероника. – Она пошла проверять. А у Артема не такие уж крепкие нервы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.